Научно-документальная серия книг
«РЕАБИЛИТИРОВАННЫЕ ИСТОРИЕЙ»

ОДЕССКИЙ МАРТИРОЛОГ

ТОМ 4

Одесса
СМИЛ
2006

ББК 63.3(4Укр-4Оде-20)6
О41
УДК 9(477.74-25)«19»

Одесская областная редколлегия серии «Реабилитированные историей»:
Л. Г. Белоусова, Е. М. Голубовский, А. В. Гонтар,
Л. В. Ковальчук (председатель), С. В. Мартыновский, А. А. Мисюк,
Г. А. Разумов, Е. Л. Стрельцов, А. И. Уемов, А. В. Фесик, Б. Г. Херсонский

О41 **Одесский мартиролог**: Данные о репрессированных Одессы и Одесской области за годы советской власти. Т. 4 / Составители Л. В. Ковальчук, Г. А. Разумов. — Историко-мемориальное издание. — Одесса: СМИЛ, 2006. — 960 с., ил. (Серия «Реабилитированные историей»)

ISBN 966-8127-63-3

Серия книг «Одесский мартиролог» посвящена истории репрессий, совершавшихся за годы советской власти в Одессе и Одесской области. В ней будут представлены алфавитные списки наших репрессированных сограждан, аннотированные описания одиночных и групповых дел (архивно-следственных, спецпоселенцев, архивно-фильтрационных и др.), информационно-аналитические таблицы по разным категориям репрессированных, архивные документы, статьи и очерки по истории репрессий, воспоминания репрессированных и их родственников.

Серия издается Одесским академическим центром в рамках Всеукраинской государственной программы «Реабилитированные историей» на благотворительных началах и распространяется бесплатно. Предназначается для специалистов и широкого круга читателей.

О $\frac{0503000000}{2006}$ Без объявл.

ББК 63.3(4Укр-4Оде-20)6
УДК 9(477.74-25)«19»

ISBN 966-8127-63-3

© Л. В. Ковальчук, Г. А. Разумов, 2006
© Одесский академический центр, 2006

Уважаемый читатель! Перед вами четвертый том серии «Одесский мартиролог» — книг по истории репрессий в Одессе и Одесской области в годы советской власти. Этот том дополняет материалы предыдущих, называет новые, ранее неизвестные имена репрессированных, представляет новые архивные документы.

Историко-исследовательская программа «Одесский мартиролог» выполняется Одесским академическим центром в рамках Всеукраинской государственной программы «Реабилитированные историей». Она посвящена восстановлению исторической правды о массовых репрессиях, совершавшихся в СССР на протяжении всего периода его существования, и увековечению памяти о жертвах советского тоталитаризма. Основными информационными источниками должны стать архивы ЧК — ГПУ — НКВД — МГБ — КГБ, которые хранятся в Службе безопасности Украины и Федеральной службе безопасности Российской Федерации, государственные архивы (в том числе бывшие партийные), архивы Министерства внутренних дел и Министерства обороны, сборники документов, материалы, опубликованные в прессе, воспоминания узников ГУЛАГа.

Изучение, анализ и осмысление документов прошлого позволяют представить его современному человеку как можно более точно и объективно, способствовать демифологизации советской истории, освобождению общественного сознания от идеологических догм.

Работа по программе «Одесский мартиролог» началась в 1991 году с составления списков репрессированных по архиву УКГБ по Одесской области. После создания в 1995 году Одесского академического центра было организовано систематическое изучение архивно-следственных дел в УСБУ, а с 2003 года — составление архивных справок на спецпоселенцев в архиве УМВД. Полученные материалы вводятся в электронные базы данных. Осуществить столь объемную программу стало возможным благодаря финансовой поддержке Одесской областной государственной администрации и Одесского горисполкома, а также благодаря участию различных людей и организаций, которым мы выражаем глубокую признательность.

«Одесский мартиролог» задуман как серийное и многотомное издание. Первые два тома по материалам архива УСБУ и Государственного архива Одесской области изданы в 1997 и 1999 годах. В 2001 году был подготовлен макет третьего тома, но средств на его тиражирование не было. В 2002–2003 годах наша организация приняла участие в международной программе создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий в СССР — «Возвращенные имена». В рамках этой программы мы провели мониторинг состояния работы по сбору данных о репрессированных по всей Украине, участвовали в составлении стандартов перечней данных по основным категориям репрессированных, разработке методик описания различных архивных источников, издании двух обобщающих сборников по этой программе.

Все это задержало издание очередных томов «Одесского мартиролога», но в то же время значительно углубило понимание проблем изучения истории репрессий. И когда в конце 2003 года областная госадминистрация выделила средства на издание, мы решили, что публиковать книгу в прежнем виде уже нельзя. Поэтому новое издание подготовлено после значительной переделки и доработки материалов с учетом новых данных и нового концептуального видения проблемы. Оно оказалось столь объемным, что потребовало разделения на две книги: в третьем томе опубликованы новые материалы о подследственных (по документам архива УСБУ), четвертый полностью посвящен новой для «Мартиролога» категории репрессированных — спецпоселенцам (по документам архива УМВД).

Четвертый том «Мартиролога» имеет следующую структуру.

Вводная статья *посвящена постановке проблемы изучения истории репрессий в целом. Она основывается не только на опыте работы одесской редколлегии в рамках программы «Реабилитированные историей», но и на знакомстве с аналогичной работой коллег из разных регионов бывшего СССР. В значительной мере эта статья — результат участия в международной программе «Возвращенные имена».*

I раздел — «Репрессии: категория спецпоселенцев» *состоит из алфавитного списка репрессированных (33122 имени), составленного по картотеке фонда 7 «Спецпоселенцы» архивного отдела управления информационных технологий при Главном управлении МВД Украины в Одесской области, архивных документов и выборки фотографий спецпоселенцев из их личных дел.*

II раздел — «Проблемы тоталитаризма и история репрессий» *содержит статью о высылке на спецпоселения как виде репрессий в СССР и несколько воспоминаний родственников репрессированных.*

Изменение структуры третьего и четвертого томов «Мартиролога» по сравнению с двумя первыми вызвано новым, более соответствующим реальной истории пониманием предмета исследования. Репрессии в СССР совершались в самых разных формах, категории репрессированных множественны, и данные о них хранятся в многочисленных фондах различных архивов — как ведомственных, так и государственных. Описание и анализ этих разнообразных источников, выборки из них персоналий репрессированных и прослеживание их судеб позволит постепенно составить реальный ***МАРТИРОЛОГ — книгу памяти о людях, пострадавших от советской тоталитарной системы.*** *Он никогда не будет полным, так как некоторые виды репрессий вообще не документировались, а многие из документированных останутся неизвестными, потому что документы о репрессиях ранее уничтожались в СССР и продолжают уничтожаться в постсоветских государствах. Но ставить перед собой задачу восстановить, сохранить и сделать доступным для осмысления и исследования* ***максимум информации*** *о государственном терроре, совершавшемся на протяжении всех лет существования советской власти, мы должны. И новые тома «Одесского мартиролога» — один из этапов выполнения этой сложной задачи. Полагаем, что собранная в них информация может служить источниковой базой для историков, социологов, краеведов и других специалистов.*

Серия «Одесский мартиролог» — благотворительная. Эту книгу, как и предыдущие, мы дарим одесским библиотекам и музеям, школам и вузам, архивам и комиссиям по восстановлению прав реабилитированных, органам государственной власти, общественным организациям и партиям. Мы направляем «Одесский мартиролог» в районы Одесской области и города Украины, рассылаем книгу в другие страны, откуда родом многие репрессированные и где живут их потомки.

Благодарим всех, кто прислал отзывы о нашей работе, и продолжаем надеяться, что эта работа нужна вам, уважаемый читатель, нашему любимому городу и всем нашим согражданам независимо от возраста, места жительства и гражданства.

Серия «Одесский мартиролог»:

— это наш долг памяти перед всеми невинно убиенными, униженными и оскорбленными советским тоталитарным режимом;

— это наше покаяние за многолетний страх, молчание и равнодушие;

— это наш завет будущему — такое не должно повториться!

Л. В. КОВАЛЬЧУК,
председатель Одесской областной редколлегии
научно-документальной серии книг «Реабилитированные историей»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Обращение к читателю 3
Проблемы изучения истории репрессий (к постановке вопроса)
(Л. В. Ковальчук) 9
Приложение. Выборочная библиография (монографии, сборники, сайты) 44

Раздел I. РЕПРЕССИИ: КАТЕГОРИЯ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ 55
Предисловие 56
I.1. Алфавитный список спецпоселенцев 61
Предисловие 62
Комментарии 64
Алфавитный список спецпоселенцев 67
А 67
Б 88
В 163
Г 220
Д 320
Е 353
Ж 357
З 359
И 371
К 379
Л 468
М 499
Н 557
О 571
П 579
Р 601
С 640
Т 657
У 672
Ф 679
Х 737
Ц 740
Ч 758
Ш 762
Щ 855
Э 855
Ю 873
Я 877
Данные о местах спецпоселений 882

I.2. Архивные документы о спецпоселенцах 883
Предисловие 884
1. Из приказа ОГПУ № 44/21 о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса. *2 февраля 1930 г.* 885
2. Сопроводительная записка заместителя председателя СНК РСФСР Д. З. Лебедя в ЦК ВКП(б) И. В. Сталину к письму В. Н. Толмачева о положении с расселением кулаков в Северном крае. *21 апреля 1930 г.* 889
3. Директива НКВД СССР № 181 о взятии на учет и оперативно-чекистском обслуживании репатриированных советских граждан немецкой национальности. *11 октября 1945 г.* 893
4. Справка заместителя начальника 1-го отделения ОСП МВД СССР Акопяна в МВД СССР о выселении с территории Молдавской ССР кулаков, бывших помещиков, крупных торговцев, активных пособников немецких оккупантов, лиц, сотрудничавших с немецкими и румынскими органами полиции, участников профашистских партий и организаций, белогвардейцев, участников нелегальных сект и членов их семей. *Октябрь 1949 г.* 894
5. Справка заместителя начальника 2-го отдела 9-го управления МГБ СССР Гоцева о проверке результатов операции по выселению из Молдавии бывших кулаков, помещиков, торговцев. *10 июня 1952 г.* 895
6. Фотографии спецпоселенцев
7. Письмо министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова председателю Совета Министров СССР Г. М. Маленкову с предложением рассмотреть вопрос об отмене спецпоселения навечно, сокращении спецпоселений и о мерах по упорядочению надзорной работы органов МВД в местах поселений. *Июль 1953 г.* 897

Раздел II. ПРОБЛЕМЫ ТОТАЛИТАРИЗМА И ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ (статьи и воспоминания) 901
Предисловие 902
Категория репрессированных: спецпереселенцы — трудпоселенцы — спецпоселенцы *(В. М. Кириллов, С. А. Красильников, С. Л. Разинков, А. Б. Суслов)* 903
Дважды репрессированный *(П. Д. Григорович)* 912
Дело № 3348 — дело моего отца *(В. А. Биллиг)* 927
Дорогой мой дедушка Сигизмунд... *(Е. Б. Крушевская)* 934
Репрессированный до рождения *(Л. А. Эгги)* 938
Я помню эти имена *(С. Г. Матвеева)* 943
Заключение 958
Сведения об авторах и организациях 959

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РЕПРЕССИЙ
(к постановке вопроса)

Репрессии — постоянная реалия советской истории. Но пока официальная идеология декларировала, что в СССР всё «во имя человека» и «для блага человека», научное изучение феномена репрессий как одной из базовых составляющих советского режима было невозможно. Государственная идеология пыталась и концлагеря трактовать как «заботу о человеке»: в начале 30-х годов они были переименованы в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ), якобы способствующие выполнению государственной задачи воспитания нового советского гражданина. Проводились показательные политические судебные процессы, местные парторганизации инициировали «всенародное одобрение» репрессий в отношении «врагов народа», однако реальные масштабы террора, деятельность репрессивных органов, система ГУЛАГа и другие подобные вопросы были запретными и для общественного сознания, и для научного изучения. Грифы «секретно» и «совершенно секретно» до сих пор сохраняются не только на документах, свидетельствующих о массовых репрессиях в СССР, но даже на документах о реабилитации.

Прошло уже полтора десятилетия после распада этой страны. Образовавшиеся на ее территории новые государства объявили о своей независимости. Флаг, гимн, валюта, национальные органы власти и тому подобные атрибуты независимости были учреждены. Но не менее важным условием обретения реальной независимости, а точнее — подлинной свободы, является переосмысление и переоценка советского прошлого, освобождение от его мифов и идеологем. Для этого тайное должно стать явным, сколь бы страшным и преступным оно ни было.

Возникшая в 90-е годы идея «Нюрнберга-2» — гражданского общественного суда над преступлениями советского тоталитаризма — была очень важна. Если бы такой процесс смог состояться, он позволил бы осудить советскую большевистскую систему за преступления против человечества, как в свое время был осужден фашизм, — пусть общественным приговором, если уж не юридическим. Но поскольку гражданское сознание и гражданское общество в постсоветских государствах находятся в зачаточном состоянии, а официальные власти в таком процессе не заинтересованы, идея «Нюрнберга-2» осталась благим пожеланием.

Возможно, кто-то сочтет, что такая статья выходит за рамки компетенции составителя регионального издания. Согласилась бы, если бы смогла найти другую публикацию по проблемам комплексного изучения истории репрессий в СССР. Возможно, причины политкорректности мешают московским, питерским, киевским, минским, вильнюсским (и т. д.) ученым ставить вопрос в таком масштабе. Возможно, они более реалистичны и считают идею невыполнимой в принципе (или в сегодняшней политической ситуации). Думаю, что моя статья, несмотря на обилие представленной в ней информации, более грешит недостатком знания, чем претензией на универсальность. Возможно, инициировать такую работу — вне уровня моей компетенции. И все же надеюсь, что эта публикация сможет быть полезной, если идея комплексной программы начнет реализовываться. А то что такая программа необходима и в научном, и в общественном, и в политическом плане — совершенно очевидно.

Но даже в нынешних условиях псевдодемократии возможен и необходим иной подход к этой проблеме — ***комплексное научное исследование истории репрессий в СССР***. Осознавая масштабность и сложность задачи, попробую сформулировать некоторые ее аспекты.

1. НЫНЕШНИЙ УРОВЕНЬ РАЗРАБОТКИ ТЕМЫ*

Одно из немногих направлений, по которым разрабатывается тема репрессий, — составление *списков репрессированных* и издание *Книг памяти.*

После принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года о восстановлении прав жертв политических репрессий возобновился и значительно ускорился процесс пересмотра следственных дел и реабилитации репрессированных. Факт массовых политических репрессий (правда, только 30-х — начала 50-х годов, так называемых сталинских) был официально и публично признан, что позволило начать составление списков и сбор данных о жертвах репрессий. Вначале этой деятельностью занялось историко-просветительское общество «Мемориал», затем — другие общественные организации близкого профиля, а после принятия в начале 90-х годов во многих постсоветских государствах законов о реабилитации жертв незаконных политических репрессий — официальные комиссии по восстановлению прав реабилитированных, созданные при местных органах власти.

В 1989 году, еще при правительстве М. С. Горбачева, централизованно по всей стране были созданы редколлегии и рабочие группы по изданию Книг памяти воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны. После завершения этого издания некоторым коллективам была поручена подготовка Книг памяти о жертвах репрессий.

В некоторых регионах составлением списков репрессированных занимаются архивы, музеи, библиотеки (если из местного управления бывшего КГБ в госархив передана часть дел на реабилитированных), в других — прокуратуры, управления Службы безопасности, информационные центры УМВД.

Следует отметить, что не во всех постсоветских государствах приняты законы о реабилитации, что усложняет процесс пересмотра дел репрессированных и составление именных списков. Но даже там, где Книги памяти жертв репрессий издаются или готовятся к изданию, уровень их очень различен — по доступу к источникам и способам их обработки, по объему информации о репрессированном и ее достоверности, по структуре издания и качеству макета, а также по многим другим параметрам. Кроме того, эти книги издаются малыми тиражами (вплоть до нескольких десятков экземпляров) и сразу же становятся раритетом.

Электронные базы данных репрессированных создаются в основном в Российской Федерации и некоторые из них представлены в интернете; но каждая разрабатывается по своей программе, и вопрос их совместимости пока не решен. Первые попытки объединить информацию региональных баз данных предпринимает международное общество «Мемориал», выпустившее в 2004 году уже тре-

** Данный обзор не претендует на полноту из-за отсутствия всей систематизированной информации. Но некоторые тенденции и закономерности можно выделить.*

тье издание компакт-диска с базой данных «Жертвы политического террора в СССР», в которой содержатся сведения более чем о 1340000 репрессированных. В ней региональные данные суммируются, но задача унификации информации пока не ставится.

Начатая в 2000 году международная программа «Возвращенные имена» разрабатывает проблему создания единого банка данных репрессированных и в качестве одной из главных задач ставит задачу унификации информации. Однако из-за многочисленных организационных, финансовых и технических трудностей решить ее пока не представляется возможным, и в каждом регионе продолжают работать по-своему.

Безусловно, любая форма сбора сведений о репрессированных, любое издание о пострадавших (и книжное, и электронное) очень важно. И те, кто выполняют эту работу, часто по собственной инициативе, вопреки многим препонам, за символическую оплату или на благотворительной основе, достойны глубокого уважения и благодарности. Их труд необходим, и дай Бог сил и удачи этим людям в их благородном труде. Но проблема изучения подлинных масштабов террора, тайных и явных механизмов его осуществления, составления полных, а не выборочных списков репрессированных, столь сложна и комплексна, что ни отдельные регионы, ни отдельные коллективы, ни даже каждая в отдельности из постсоветских стран самостоятельно с нею не справятся. Для решения даже одной этой, наиболее осознанной и признанной (в том числе официально) проблемы — составления именных списков репрессированных — необходима разработка комплексной международной научно-исследовательской программы.

В подтверждение своих слов приведу пример на региональном материале.

Одесская редколлегия одной из своих задач считает составление возможно более полных списков репрессированных нашего региона: по всем периодам советской власти, от 1918 до 1991 года; по всем территориям, входившим в состав Одесской области в разные десятилетия; по всем видам репрессий (арест, следствие, расстрел, заключение, ссылка, спецпоселение, трудовая мобилизация, «раскулачивание», лишение гражданских прав, фильтрация, репатриация, психиатрические репрессии и многие другие). Но в процессе исследований оказалось, что многие документы отсутствуют — их одесские экземпляры уничтожены, утрачены, высланы в другие архивы либо не присланы из других городов.

Так, значительная часть дел на подследственных выслана во многие регионы СССР; копии протоколов внесудебных органов, принимавших репрессивные решения, сохранились не полностью и для восстановления отсутствующей информации нужно работать в центральных ведомственных архивах в Киеве и в Москве; а получить документы о местах расстрелов и массовых захоронений на местном уровне вообще невозможно, и где эта информация — неизвестно. Фонд спецпоселенцев состоит только из тех личных дел, что в 50–60-е годы были присланы из мест спецпоселений, а большая часть документов по сей день остается в Сибири, на Урале, в Казахстане и других местах поселений. Даже относительно полные списки «раскулаченных», «лишенцев», умерших от голодоморов составить невозможно, так как не по всем районам Одесской области и не за все годы полностью сохранились архивы органов исполнительной власти. Списки

репатриантов и других граждан, проходивших фильтрацию, также будут неполными, потому что многих фильтрационных дел нет. О репрессиях в армии и на Черноморском флоте можно говорить только предварительно, основываясь на выборочных данных, хранящихся в УСБУ и ГАОО. Доступа к ведомственным военным архивам пока нет.

И так далее, и тому подобное. Не говоря уже о том, что границы Одесской области на протяжении 20–70-х годов значительно менялись, и для восстановления реальной картины репрессий необходимо взаимодействие с Винницкой, Кировоградской, Николаевской, Херсонской областями и независимым государством Молдова. А для получения информации об уроженцах и жителях Одесской области, находившихся в лагерях, ссылке, на спецпоселении, в трудармии или отбывавших наказание после прохождения фильтрации, необходимо сотрудничество уже со всеми постсоветскими странами.

Вместе с тем в одесских архивах есть данные о репрессированных уроженцах самых различных регионов Российской империи и СССР, а также других стран.

Поэтому повторю: для составления именных списков репрессированных любого региона, хотя бы относительно отражающих реальный масштаб террора, необходимо сотрудничество и координация действий исследовательских коллективов всех регионов бывшего СССР, что без международной программы осуществить невозможно.

Но именные списки и Книги памяти — лишь одно из направлений изучения истории репрессий. Что можно сказать о работе по другим направлениям?

В некоторых городах, чаще столичных, публикуются *сборники документов о репрессиях.* Это, как правило, научные издания, соблюдающие нормы публикации архивных источников и снабженные необходимым справочным аппаратом. Поэтому каждый из таких сборников имеет большое значение. Но, к сожалению, тираж их ограничен, поэтому они практически недоступны для широкого использования. Кроме того, опубликованные в них документы составляют мизерную часть от всего свода советской репрессивной документации.

Ведутся научные исследования, издаются статьи, сборники и монографии по различным *видам репрессий* и *категориям репрессированных* — подследственным, «лишенцам», «раскулаченным», спецпоселенцам, трудармейцам, депортированным, интернированным, гражданам, подвергшимся проверочно-фильтрационным процедурам, принудительному психиатрическому лечению и др., описываются отдельные архивно-следственные дела (как одиночные, так и групповые), издаются очерки о судьбах отдельных репрессированных. Но тиражи этих публикаций также крайне ограничены, и они практически недоступны. Кроме того, многие из работ по отдельным видам репрессий выполняются преимущественно на региональном материале и потому нуждаются в дополнении и по документации общесоюзного уровня, и по специфике осуществления каждого вида репрессий в других регионах СССР.

Вместе с тем есть региональные работы обобщающего характера: история репрессий в определенной области, крае, республике. Например, в рамках Всеукраинской государственной программы издания научно-документальной серии «Реабилитированные историей» каждая областная редколлегия должна бы-

ла подготовить для первой книги областной серии научную статью, анализирующую развитие процесса репрессий в данном регионе на протяжении всех периодов существования советской власти. Работы подготовлены и частично уже изданы. Аналогичные научные работы опубликованы и в ряде регионов Российской Федерации, Казахстане, странах Балтии.

Но пока не раскрыты все необходимые архивные источники, не опубликованы и не изучены секретные документы о репрессиях как партийных и государственных органов власти, так и советских спецслужб (приказы, распорядительные документы, отчеты, обзоры, статистика, аналитические материалы и т. п.), пока не определены и не систематизированы все виды репрессий и все категории репрессированных, их соотношения и изменения в разные периоды советской власти как в каждом регионе, так и в стране в целом, говорить о полноте раскрытия темы и ее исчерпанности нельзя. Издание обобщающих научных работ по истории репрессий в отдельных регионах очень важно для осмысления исторической реальности, но при сохраняющейся секретности на большинство необходимых архивных источников это пока еще только постановка проблемы и разные степени приближения к ее решению.

Издаются *мемуары* репрессированных и членов их семей, а также тематические статьи и очерки о судьбах жертв репрессий.

Ведется поиск *мест массовых захоронений репрессированных.* На этих местах устанавливаются памятные знаки и памятники.

Другие направления изучения истории репрессий пока находятся на стадии предварительной разработки. Но они многочисленны и, предполагаю, далеко не все еще даже сформулированы. На основе нынешнего опыта работы можно составить следующий предварительный перечень основных направлений исследований.

2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РЕПРЕССИЙ

Определение понятий

Для проведения научных исследований в первую очередь необходимо точно определить основные базовые понятия. По данной теме это:

- репрессии
- репрессивная система и репрессивные органы
- виды репрессий и категории репрессированных
- система и структура мест отбытия наказания/заключения/ссылки и т. д.
- кассационный пересмотр дела, прекращение дела, амнистия, реабилитация
- юридические основания репрессий и реабилитации
- типы источников и виды архивных документов по истории репрессий

и т. д. Большинство этих понятий многозначны и трактуются по-разному.

Составление справочника с научно корректными определениями, учитывающими исторический и правовой аспекты, с указанием специальной литературы по каждому термину и понятию стало бы хорошей основой для систематизированного изучения истории репрессий. Апробацию такого справочника можно было бы провести в интернете и привлечь к его обсуждению специалистов разного профиля.

Издание архивных документов

Предполагаю, что реальный объем архивной документации, полностью отражающей процесс репрессий в СССР, трудно определить даже самым солидным ученым, специализирующимся в данной проблеме. Понятно, что массив документов и содержащейся в них информации огромен. Поэтому особенно важна систематизация. Один из возможных вариантов — это серийные периодические издания сборников документов по разным периодам советской власти, разным административно-территориальным единицам, видам репрессий и т. д. Например, **«Документы 1917–1920 годов»:** 1-я серия *«Документы центральных органов власти и управления»*, подсерии «Документы центральных партийных органов», «Документы Совнаркома и ВЦИКа», «Документы ВЧК» и т. д. Последующие серии — *«Документы региональных органов власти и управления»* в соответствии с административно-территориальным делением территории, на которой в эти годы была установлена советская власть и в каждой региональной серии подсерии «Документы региональных партийных органов», «Документы региональных Советов и исполкомов», «Документы региональных ЧК» и т. д. Затем: **«Документы 1921–1924 годов», «Документы 1925–1928 годов»** и т. д. с соответствующими сериями и подсериями. Наиболее важно в таких сериях, чтобы представлены были не выборочные документы, а все имеющиеся в данных архивах по данной тематике.

Особый интерес могут представлять сборники документов, построенные по тематическому принципу. Например, серия *«Документы ВЧК: формирование, структура, деятельность, реорганизация»* и, соответственно, подсерии документов о региональных ЧК. А далее ГПУ, НКВД и т. д. Серия *«Документы о репрессиях против крестьянства»* с подсериями начала 20-х годов, периода нэпа, конца 20-х годов и т. д. и подсериями по документам центра и регионов. И далее: серии сборников документов о репрессиях против интеллигенции, военных, «бывших людей» (так при советской власти называли тех, кто до 1917 года принадлежал к привилегированным сословиям), против церкви и верующих, против различных партий, профсоюзов и т. д., и т. п.

Безусловно, составление таких серийных документальных изданий — большая исследовательская работа. Но без публикации нормативной базы совершавшихся репрессий (партийные и правительственные указы и постановления, приказы и распоряжения центральных правоохранительных, точнее, карательных органов), без отчетных, информационных, статистических материалов местных репрессивных органов, а также без сводных отчетных, статистических и аналитических документов центральных органов реальное, а не декларативное изучение истории репрессий в СССР невозможно.

Такие серии должны издаваться достаточно большими тиражами, быть широко представлены в библиотечной системе (вплоть до районных библиотек и библиотек учебных заведений), иметь свои электронные версии в интернете.

Описание и изучение репрессивной системы в СССР в ее историческом развитии

Наиболее важной задачей является исследование соотношения, взаимодействия и противостояния органов партийной и советской власти и органов ЧК — ГПУ — НКВД и т. д.,

МВД, армейских структур, судов, трибуналов, внесудебных органов и ГУЛАГа. Полагаю, что от решения именно этой задачи в значительной мере зависит возможность подлинно научного анализа и осмысления феномена советского тоталитаризма и механизма репрессий в СССР.

Частные, но столь же важные проблемы этого блока:

1. Детализированное описание структур всех репрессивных органов с указанием их функций и в их историческом развитии. Особый интерес здесь может представлять исследование соподчинения различных структур и передачи ими функциональных обязанностей от одних к другим, а также исследование причин постоянной реорганизации репрессивных органов.

2. Создание географического справочника всех мест отбытия наказания: лагерей, колоний, тюрем, специализированных психиатрических больниц, спецпоселений, трудпоселков, мест ссылок и административных высылок, режимных местностей, маршрутов этапов, пересылок и прочего, с указанием по каждому пункту периода его существования, уровня подчинения, количества репрессированных, там находившихся и там погибших и т. д. И на основе такого справочника — составление карты репрессий с изменениями по годам. На этой карте должны быть отражены не только все виды лагерей и колоний, но и остальные места пребывания всех категорий репрессированных.

3. Создание биографического справочника сотрудников репрессивных органов с их послужными списками.

Результаты этих исследований также нужно не только издавать солидными тиражами, обеспечивающими их доступность хотя бы на уровне библиотек, но и представлять в интернете.

Изучение правовой (точнее, псевдоправовой) базы, на основании которой осуществлялись репрессии

Традиционное представление, что главной репрессивной статьей является 58-я УК РСФСР, аналогичная ей 54-я УК УССР и соответствующие статьи кодексов других союзных республик, правильно и неправильно одновременно. Действительно, по этой статье об «антисоветской и контрреволюционной деятельности», со всеми ее частями и пунктами, репрессированы миллионы людей. Однако существовало и множество иных оснований для совершения репрессий. Они также должны быть исследованы.

Во-первых, советский уголовный кодекс появился лишь в 1922 году. Поэтому следует составить перечень декретов всероссийских съездов Советов, Всероссийского Центрального исполнительного комитета (ВЦИК), военно-революционных комитетов (ВРК), Всероссийской Чрезвычайной комиссии (ВЧК), приказов народных комиссаров, соответствующих документов, изданных на республиканских уровнях, актов местных Советов и других подзаконных актов, которыми руководствовались многочисленные репрессивные органы в 1917–1922 годах, и проанализировать их.

Во-вторых, уголовное право в СССР всегда основывалось на презумпции виновности (что противоречит нормам международного права) и расширительном толковании преступлений по уголовным статьям, применяемым и к политиче-

ским «преступлениям». Во всех редакциях республиканских уголовных кодексов (1922–1923, 1926, 1959–1961 годов) есть значительное количество статей репрессивного характера помимо печально известной 58-й (украинской 54-й). Например: 59-я (55-я и 56-я) — против различных видов «государственных преступников»; 60–62-я (57–59-я) — против «кулаков» и других граждан, не выполняющих государственные повинности; 107-я (127–129-я) — против «спекуляции», фактически — против частного предпринимательства. В редакции республиканских уголовных кодексов 1959–1961 годов это статьи 70-я (62-я) — «антисоветская агитация и пропаганда», 190-я (187-я) — «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» и другие. Поэтому необходимо рассмотреть все редакции уголовного кодекса советских республик с точки зрения норм международного права, составить перечень статей, нарушающих права человека и обосновывающих репрессии, и проанализировать их.

В-третьих, при советской власти широко распространилась практика издания многочисленных законов и подзаконных актов — всевозможных партийных и правительственных указов, постановлений, также порождавших массовые репрессии. Например, Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», в народе — «указ о пяти колосках», с расстрелом или, в виде исключения, 10 годами лишения свободы в виде наказания. Несть числа подзаконным актам и постановлениям предвоенных, военных и послевоенных лет о борьбе с «расхитителями государственного и общественного имущества», колхозниками, не вырабатывающими установленные трудодни, и тому подобными «нарушителями социалистической законности»; по этим документам предполагались различные сроки заключения в лагерях — вплоть до 25 лет. По данным В. Н. Земскова, в начале 50-х годов более половины заключенных, отбывавших наказание в лагерях и тюрьмах, были осуждены не на основании статей Уголовного кодекса, а на основе подзаконных актов — по Указам Президиума Верховного Совета СССР об ответственности за самовольный уход с предприятия, побег из мест обязательного поселения и т. п. Поэтому как можно более полный перечень таких документов тоже должен быть составлен и проанализирован.

В-четвертых, необходимо учесть приказы и распоряжения союзных и республиканских спецслужб, а также военного ведомства, по которым осуществлялись массовые репрессии, не имеющие даже псевдозаконного обоснования. Их также следует перечислить, опубликовать и проанализировать.

Можно предположить, что не меньший интерес представляет приказная документация ГУЛАГа (Главного управления лагерей), ГУИНа (Главного управления мест исполнения наказания) и аналогичных ведомств бывших союзных республик, — по этим документам можно составить нормативную базу повторных репрессий, применявшихся к людям, отбывающим наказание.

Все эти документы должны быть опубликованы в серийных сборниках документов, прокомментированы и научно проанализированы. И результаты этих исследований должны быть доступны в библиотеках и в интернете.

Изучение и систематизация видов репрессий и категорий репрессированных

Если под репрессиями в самом общем смысле слова понимать лишение или насильственное ограничение государством естественных и гражданских прав и свобод человека, то в качестве предварительного перечня *видов репрессий* можно предложить следующий:

• лишение права на жизнь — расстрел, повешение, смерть в ходе следствия, на этапе, в лагере, ссылке, от голодоморов и т. д.;

• лишение права на свободу — арест, заключение, ссылка, трудармия и т. д.;

• лишение (ограничение) права на свободный выбор места жительства — насильственное прикрепление к определенному месту жительства, трудпоселение, спецпоселение, запрет на право проживания в ряде мест, паспортизация, лишение паспорта и т. д.;

• лишение права на собственность — «раскулачивание», изъятие ценностей, конфискация имущества, его распродажа и т. д.;

• лишение права на свободу совести — преследования за инакомыслие, исповедование какой-либо религии и т. д.;

• лишение гражданских прав, в том числе права на участие в выборах в органы власти и управления;

• лишение права на свободный выбор профессии — ограничения возможностей получения специального образования, профессиональной деятельности и профессионального роста и т. д. для лиц «классово чуждого происхождения», представителей отдельных национальностей, детей репрессированных и т. д.

Это лишь первичный, черновой вариант перечня. Его нужно продолжить, расширить, конкретизировать. Виды репрессий эволюционировали и по-разному соотносились в разные периоды советской власти. Их описание — важный аспект изучения истории репрессий в целом.

В зависимости от видов репрессий возникали различные категории репрессированных, в свою очередь делящиеся на различные подкатегории. Научное описание каждой из них и анализ всей системы — также дело будущего; пока же предлагаю вариант предварительной схемы соотношения различных категорий (см. таблицу на стр. 18).

Рассмотрим подробнее соотношение видов репрессий (какая после какой следует или какая какой предшествует) и соотношение основных категорий и подкатегорий репрессированных.

1. Пострадавшие в результате уголовных репрессий:

Подследственные

(находящиеся под следствием, в том числе задержанные, арестованные, освобожденные под подписку о невыезде с постоянного места жительства, находящиеся в розыске и т. д.)

В результате проведенного следствия:

• лишенные жизни (в том числе расстрелянные, повешенные, умершие в тюрьме и т. д.);

• лишенные свободы (в том числе заключенные тюрем, концлагерей, ИТЛ, направленные на каторжные работы и т. д.);

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ КАТЕГОРИЯМИ (ПОДКАТЕГОРИЯМИ) РЕПРЕССИРОВАННЫХ

Последующие \ Исходные	Депортированные	Заключенные	Интернированные	Лишенные избирательных прав	Лишенные права проживания...	Находившиеся под надзором	Ограниченные в правах	Подвергнутые принудлечению	Подвергнутые фильтрации	Подследственные	«Раскулаченные»	Спецпоселенцы	Ссыльные	Трудмобилизованные
Депортированные		3	3	3	2	2	3	3	2	3	2	3	3	2
Заключенные	2		1	3	1	3	2	2	1	1	2	2	2	1
Интернированные	3	3		3	2	2	3	3	2	2	3	3	3	2
Лишенные избирательных прав	1	1	3		2	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Лишенные права проживания...	1	1	1	2		1	1	1	1	1	1	1	1	1
Находившиеся под надзором	1	1	1	2	1		1	1	1	1	2	1	1	1
Ограниченные в правах	1	1	1	1	1	1		1	1	1	1	1	1	1
Подвергнутые принудлечению	3	3	3	3	3	3	3		3	1	3	3	3	3
Подвергнутые фильтрации	2	2	2	3	3	2	3	3		1	3	3	3	3
Подследственные	2	2	3	3	3	2	2	2	1		1	2	2	3
«Раскулаченные»	2	3	3	1	3	2	2	3	3	3		3	3	3
Спецпоселенцы	1	1	1	2	2	2	2	3	1	1	1		1	1
Ссыльные	1	3	1	2	2	2	2	3	1	1	1	2		2
Трудмобилизованные	2	3	3	3	3	3	3	3	2	3	2	2	2	
Умершие: в заключении, ссылке и т. д.	2	2	2	2	2	3	3	2	2	2	2	1	1	1
Умершие: от голодоморов	2	2	2	2	2	3	3	3	2	3	1	1	1	2
Умершие: расстрелянные	3	2	3	3	3	3	3	3	3	1	3	3	3	3

Разные виды репрессий связаны друг с другом. Так, например, прямым последствием депортации является направление на спецпоселение, «раскулачивания» — административная высылка, следствия — расстрел или заключение, вероятным последствием заключения — смерть в лагере и т. д. Степень вероятности этих связей обозначена в таблице цифрами:

1 — прямые последствия

2 — вероятные последствия

3 — потенциально возможные последствия

- ссыльные и административно высланные;
- подвергнутые принудительному психиатрическому лечению;
- лишенные права проживания в определенных местностях СССР;
- направленные на спецпоселение;
- ограниченные (пораженные) в правах;
- освобожденные под подписку о невыезде с постоянного места жительства;
- освобожденные, но взятые под гласный или негласный надзор;
- освобожденные с условной мерой наказания;
- освобожденные в связи с прекращением дела.

Заключенные

(лишенные свободы и содержащиеся в тюрьме, лагере, колонии, других местах лишения свободы по приговору судебных органов, решению внесудебных, административных или следственных органов)

В ходе заключения или после завершения срока:

- повторно подследственные (те, в отношении кого возбуждено новое дело в период их пребывания в заключении);
- лишенные жизни (в том числе расстрелянные, повешенные, умершие на этапе, в лагере, в ходе нового следствия, убитые при побеге или оказании сопротивления и т. д.);
- лишенные свободы на новый срок (получившие в тюрьме или лагере новый срок заключения);
- направленные после отбытия срока на спецпоселение или в ссылку;
- ограниченные (пораженные) в правах;
- подвергнутые принудительному психиатрическому лечению;
- актированные и амнистированные (в том числе по состоянию здоровья, инвалидности, возрасту, по соответствующим правительственным указам и т. д.);
- освобожденные с ограничением в правах (в том числе лишенные права свободного выбора места жительства, лишенные права на возвращение на прежнее место жительства и прописку там, насильственно прикрепленные к определенному предприятию, на котором работали в период заключения, и т. д.);
- находившиеся под гласным или негласным надзором.

Другие категории репрессированных в результате уголовного преследования (ранее — подследственные):

- **расстрелянные, повешенные, умершие в ходе следствия, на этапе и т. д.;**
- **ссыльные и административно высланные;**
- **подвергнутые принудительному психиатрическому лечению;**
- **лишенные права проживания в определенных местностях СССР;**
- **находившиеся под гласным или негласным надзором.**

2. Пострадавшие в результате административных и экономических репрессий:

Лишенные избирательных прав («лишенцы») и пораженные в правах

Граждане, прежде принадлежавшие к привилегированным сословиям или зажиточные граждане, а также ранее:

- «раскулаченные»;
- заключенные;

- ссыльные и административно высланные;
- депортированные;
- спецпоселенцы;
- трудармейцы;
- прошедшие фильтрацию;
- подвергнутые принудительному психиатрическому лечению;
- находившиеся под гласным или негласным надзором.

«Раскулаченные»

(лишенные имущества, собственности, свободы выбора места проживания, профессии)

Выделяются три категории «раскулаченных»:

I категория — так называемый контрреволюционный кулацкий актив, подлежащий не только полной конфискации имущества, но и заключению в лагеря;

II категория — те, кто подлежал высылке в отдаленные местности СССР, — спецпереселенцы/трудпоселенцы/спецпоселенцы;

III категория — те, кто подлежал выселению из собственного дома и расселению в пределах своего района.

В результате «раскулачивания»:

- лишенные жизни в ходе «раскулачивания», в лагере, при переселении в отдаленные районы СССР, в местах спецпоселений или на новом месте расселения;
- умершие от голодоморов;
- административно высланные;
- спецпереселенцы/трудпоселенцы/спецпоселенцы;
- «лишенцы»;
- арестованные и подследственные;
- лишенные права проживания в определенных местностях СССР;
- ограниченные (пораженные) в правах;
- находившиеся под гласным или негласным надзором.

Умершие от голодоморов 1921–1923, 1932–1933, 1946–1947 годов

(граждане, погибшие в периоды массового голода, искусственно созданного органами государственной власти преимущественно в сельских местностях, в результате насильственного изъятия зерна и других сельхозпродуктов)

Часть умерших ранее:

- «раскулаченные»;
- «лишенцы»;
- спецпереселенцы;
- депортированные;
- подследственные;
- заключенные.

Спецпереселенцы/трудпоселенцы/спецпоселенцы

(по социальному признаку принудительно выселенные с постоянного места проживания (часто целыми семьями), лишенные имущества и высланные в отдаленные местности СССР для принудительного труда и проживания в спецпоселках под надзором спецкомендатур НКВД — МГБ и МВД)

На спецпоселение направлялись ранее:
- «раскулаченные»;
- заключенные;
- депортированные;
- трудармейцы;
- прошедшие фильтрацию.

Депортированные

(советские граждане разных национальностей, в массовом порядке принудительно выселенные из мест компактного проживания, лишенные имущества и высланные в отдаленные районы СССР для принудительного труда и проживания в спецпоселках под надзором спецкомендатур НКВД — МГБ и МВД)

В результате депортации:
- лишенные жизни;
- заключенные;
- спецпоселенцы;
- лишенные права проживания в определенных местностях СССР;
- ограниченные (пораженные) в правах;
- находившиеся под гласным или негласным надзором.

Интернированные

(иностранные граждане, находившиеся в годы второй мировой войны на территории СССР и подвергшиеся заключению или принудительному переселению под надзор органов НКВД — МГБ и МВД)

В результате интернирования:
- лишенные жизни;
- заключенные спецлагерей;
- спецпоселенцы;
- лишенные права проживания в определенных местностях СССР;
- ограниченные (пораженные) в правах;
- находившиеся под гласным или негласным надзором;
- высланные за пределы СССР.

Трудмобилизованные

(мобилизованные военкоматами для отбытия принудительной трудовой повинности на крупных промышленных предприятиях и стройках в отдаленных местностях СССР; преимущественно советские немцы)

В результате мобилизации:
- трудармейцы (в том числе заключенные спецлагерей и рабочих колонн);
- работники, прикрепленные к определенному предприятию, стройке, руднику и т. п.

После завершения мобилизации:
- спецпоселенцы;
- ссыльные;
- лишенные права проживания в определенных местностях СССР;
- ограниченные (пораженные) в правах;
- находившиеся под гласным или негласным надзором.

Подвергнутые проверочно-фильтрационным процедурам
(советские граждане, находившиеся за границей, в том числе бывшие военнопленные, репатрианты, остарбайтеры, фольксдойч и другие, добровольно или принудительно возвращенные в СССР)

В результате фильтрации:

- умершие при этапировании и в спецлагерях;
- заключенные спецлагерей;
- спецпоселенцы;
- трудармейцы;
- освобожденные под надзор органов НКВД — МГБ — КГБ или МВД;
- ограниченные (пораженные) в правах.

Из этого предварительного перечня ясно, что виды репрессий пересекаются, переходят друг в друга, сочетаются, и человек мог пережить разные виды репрессий и последовательно попадать в разные категории репрессированных.

Не дифференцируя на категории и подкатегории (поскольку в разных сочетаниях они различны), перечислю основные из выше представленных.

1. Подследственные (в том числе, арестованные и затем освобожденные под подписку о невыезде).
2. Лишенные жизни (в том числе расстрелянные, умершие в тюрьмах, лагерях, в ссылке, на спецпоселениях, погибшие от голодоморов).
3. Заключенные.
4. Ссыльные.
5. Административно высланные.
6. Лишенные гражданских прав, в том числе избирательного права («лишенцы»).
7. «Раскулаченные».
8. Спецпереселенцы/трудпоселенцы/спецпоселенцы.
9. Депортированные.
10. Интернированные.
11. Трудмобилизованные, в том числе трудармейцы.
12. Прошедшие проверочно-фильтрационные процедуры.
13. Подвергшиеся принудительному психиатрическому лечению.
14. Лишенные права проживания в определенных местностях СССР.
15. Находившиеся под гласным или негласным надзором.

К этому перечню можно добавить еще несколько категорий:

16. Пострадавшие от различных иных экономических репрессий (экспертники, самообложенцы, распроданцы, экспроприируемые и др.).
17. Пострадавшие от различных репрессий в армии (в том числе военнослужащие штрафбатов).
18. Пострадавшие от различных «чисток» (в том числе партийных).
19. Дети репрессированных, помещенные в специальные детдома.
20. Иные родственники репрессированных, пострадавшие от репрессии члена семьи, в том числе погибшие от суицида.

По мере изучения архивных документов список видов репрессий и категорий репрессированных предстоит дополнить.

Составление сводного именного списка и биографических справочников репрессированных

Российские Книги памяти, украинская научно-документальная серия «Реабилитированные историей», казахстанские Книги скорби, литовская серия «Геноцид жителей Литвы» и аналогичные издания в других постсоветских государствах публикуются и будут продолжать публиковаться так, как считают нужным их редколлегии.

Однако остается задача составления сводного именного списка репрессированных в СССР по всем видам репрессий и серии биографических справочников по каждой категории репрессированных с обязательным соблюдением следующих позиций:

- стандартный набор данных о каждом репрессированном (при наличии их в источнике);
- сводная информация обо всех видах репрессий, пережитых каждым человеком;
- точная ссылка на источники данных.

В сводном списке информация о каждом человеке может быть достаточно лаконичной, — главное, чтобы по этому набору данных человека можно было идентифицировать. В биографическом же справочнике информация должна быть более развернутой, подробной, но также унифицированной и по структуре каждой справки, и по используемым формулировкам. В идеале в биографическом справочнике по отдельному виду репрессий должны указываться и иные виды репрессий, которым подвергался данный конкретный человек, со ссылкой на соответствующие другие биографические справочники.

Учитывая массовость совершавшихся репрессий, многообразие их видов, множество неизученных и разнотипных архивных источников, требующих обработки, составление сводного именного списка и биографических справочников — задача сверхсложная и длительная. Поэтому для ее осуществления необходимы электронные средства обработки информации, разработка программы электронных баз данных и единого банка данных репрессированных в СССР. По мере накопления и обработки этих данных они должны размещаться в интернете.

Издание описей и аннотированных описаний фондов, содержащих документы о репрессиях

Масштабность совершавшегося террора и многообразие видов репрессий, позволяет предположить, что в каждом архиве бывшего СССР хранятся документы о репрессиях. Поэтому составление именно в каждом архиве перечня фондов, в которых находятся документы о репрессиях, и подготовка сводного списка таких фондов были бы хорошей базой для дальнейшей исследовательской работы.

На следующей стадии можно составить опись по каждому из этих фондов, а в перспективе — начать аннотированное описание содержащихся в них документов.

Основные известные на сегодняшний день документы по данной тематике — это разные виды дел репрессированных: архивно-следственные дела, личные дела заключенных, личные дела спецпоселенцев, личные дела трудармейцев, архивно-фильтрационные дела и др.

Каждое дело, независимо от того, завершилось оно расстрелом, смертью репрессированного или освобождением, — это документ, свидетельствующий о преступлении государства (в лице той или иной официальной инстанции) по отношению к человеку. Издание аннотированных описаний этих дел необходимо для осмысления того, каким образом осуществлялись репрессии, что служило поводом для них, что происходило с человеком во время следствия, в тюрьме, в лагере, в ссылке, на поселении и т. д.

В отличие от создания сводного именного списка и серий биографических справочников эта задача предполагает описание конкретных фондов, хранящихся в конкретных архивах. Поэтому она не сводная, а локальная, и может выполняться в каждом архиве самостоятельно. Однако желательно выработать определенные нормы, образцы аннотаций для каждой разновидности архивных дел с учетом изменения норм делопроизводства в разные десятилетия советской власти.

Издание таких исследований также имеет преимущественно региональное значение, поэтому тираж может быть менее значительным, чем, например, у сборников документов, но необходимо предусмотреть размещение этих материалов в интернете.

Создание мемориальных комплексов и музеев по истории репрессий

Репрессии осуществлялись всюду, а мемориалов, музеев, памятников и памятных знаков существует очень немного по сравнению с масштабом террора.

Изучив опыт существующих государственных и общественных музеев, можно разработать методические рекомендации по созданию мемориальных комплексов, музеев и просветительских центров повсеместно. Такие организации, взаимодействуя с местными краеведческими обществами, школами, вузами, могли бы:

- собирать, редактировать и публиковать воспоминания репрессированных и их родственников;
- собирать и хранить личные документы, архивы репрессированных, вещи, предметы, относящиеся к периоду репрессий;
- вести поиск мест расстрелов и массовых могильников останков репрессированных, организовывать их эксгумацию, исследование и ритуальное захоронение, благоустройство могил, установку памятников и памятных знаков;
- разрабатывать и проводить экскурсии по памятным местам, связанным с репрессиями в данной местности;
- составлять библиотеку и видеотеку по истории репрессий;
- предоставлять доступ в интернет для получения информации о репрессиях на специализированных сайтах.

Одна из важных информационных задач — составление аннотированного каталога мемориальных комплексов, музеев, памятников, памятных знаков репрессированных и его дальнейшее пополнение (см. http://memory.sakharov-center.ru).

Желательно было бы издавать регулярный бюллетень или периодический журнал о деятельности этих организаций и объединить их между собой через интернет-конференцию.

Изучение процесса реабилитации и стимулирование его развития

Изучение этого аспекта также поможет понять своеобразие советской репрессивной системы, ее эволюцию в 50–80-е годы и правопреемственность в постсоветских государствах.

Определив и дифференцировав понятия «пересмотр дела», «амнистия», «прекращение дела» (по различным обстоятельствам) и «реабилитация», нужно проанализировать те законодательные и подзаконные акты, на основании которых проводился процесс реабилитации в советский и постсоветский периоды. Особый интерес может представлять сопоставление репрессивной и реабилитирующей правовых баз. Априори известно, что первая и по сей день на много порядков превосходит вторую. Но если провести специальное исследование, то на основе его результатов можно ставить вопрос о качественном изменении действующего законодательства о реабилитации.

Полезно также было бы собрать данные и описать по годам кем (какими организациями) и по какой процедуре проводился процесс пересмотра дел и реабилитации. Эта работа показала бы как сложно, долго, болезненно, часто унизительно для репрессированного или его родственников проводилась реабилитация. Как бюрократическая система фактически продолжала репрессировать пострадавших людей — отписками, отказами, проволочками, ложными данными, которые выдавались родственникам, посылавшим запросы о судьбе репрессированного, отказами в компенсации за утраченное имущество или несоразмерностью выплаченной компенсации и понесенного ущерба. Результаты изучения процесса реабилитации могли бы стать солидной мотивировкой необходимости нового пересмотра основных фондов, в которых находятся дела репрессированных и до сей поры не реабилитированных граждан.

Наконец, полезна была бы сводная статистика по всем регионам СССР и по годам: сколько всего граждан реабилитировано, скольким отказано в реабилитации, основания для реабилитации, основания для отказа, какой инстанцией принято то или иное решение.

Желательно, конечно, было бы иметь данные о том, сколько репрессированных до сих пор не реабилитированы (в том числе из-за несовершенства действующего законодательства). Но при нынешнем уровне делопроизводства в архивах и их техническом оснащении это маловероятно.

Особая и очень серьезная проблема — не только научная, правовая, гражданская, но и политическая, — это согласование законов о реабилитации во всех постсоветских странах и приведение их к варианту, в котором восстанавливались бы доброе имя и гражданские права всех граждан, подвергшихся репрессиям. Но если принятие такого варианта закона — дело парламентов независимых государств, то сопоставительный анализ всех действующих законов о реабилитации и разработка нового проекта закона, включающего все виды репрессий и все категории репрессированных, могут быть выполнены научным коллективом. Так же как и разработка проекта постановления, регламентирующего процедуру реабилитации, чтобы она осуществлялась в подлинном масштабе, а не избирательно, как сейчас.

Комплексное научное исследование истории репрессий в СССР значимо само по себе, и недостаточная разработка этого вопроса в современной историографии, источниковедении, правоведении, политологии и других науках должна быть восполнена. Именно это позволит действительно полно, точно, документально обоснованно описать данное явление и дать общий научный анализ проблемы репрессий как в отдельных регионах, так и в стране в целом.

Но помимо большого академического значения эта работа имеет не меньшее этическое, психологическое, общественное и воспитательное значение. Поэтому необходима продуманная система распространения результатов научных исследований с помощью средств массовой информации и, главное, введение этих знаний в учебный процесс.

Разработка учебных программ и учебных пособий по истории репрессий в СССР

Система образования в постсоветских государствах различна, в том числе и по своим идеологическим установкам. Как трактовать историю СССР, какое место в ней уделять вопросу о репрессиях, как представлять жертв репрессий и оппозицию советскому тоталитаризму — естественно, внутреннее дело каждого суверенного государства.

Но независимо от этого можно разработать проекты учебных программ и учебных пособий для средней и высшей школы, основывающиеся на результатах комплексных научных исследований по истории репрессий в СССР. Такие разработки можно представлять на рассмотрение в соответствующие парламентские комиссии, госкомитеты и министерства, учительские конференции, распространять через СМИ, публиковать в специальных журналах, размещать в интернете и т. д.

Поскольку репрессии коснулись всех сфер жизни, то эта тема может быть представлена в преподавании большинства дисциплин, включая естественные и точные науки (например, объявление в СССР генетики и кибернетики «буржуазными лженауками» и запрет на эти исследования). Но, конечно же, более подробно эти проблемы должны быть изложены в курсах гуманитарных и социальных наук: истории и литературы, культурологии, философии, религиоведения и этики, экономики и права, психологии, социологии и политологии.

Репрессии — феномен не только советской истории. Тоталитарная система сложилась не только в СССР, и проявления тоталитаризма в современной жизни — еще один аргумент в пользу того, что осмысление и анализ подобных явлений должны присутствовать и в школьном, и в вузовском образовании. Молодому человеку нужно предоставить точную и систематизированную информацию, позволяющую самостоятельно и объективно оценить все особенности тоталитарного государства.

Помимо отдельных разделов или тем, посвященных репрессиям, в основных дисциплинах и курсах, можно разработать программы спецкурсов и факультативов по данной тематике. Например: «Особенности тоталитарной психологии», «Экономические процессы в тоталитарном государстве», «Репрессии против науки (искусства, церкви, армии, сельского хозяйства)» и т. д. Полезно разработать краеведческий спецкурс, посвященный репрессиям в данном конкретном регионе. Можно часть часов выделить на самостоятельную работу учащихся и дать задание

по сбору данных о репрессиях, пережитых их родственниками и знакомыми. Можно привлекать студентов и старшеклассников к созданию местных музеев и мемориалов, посвященных истории репрессий, к поиску мест массовых захоронений.

В учебных программах тема тоталитаризма и репрессий займет определенные разделы и будет сформулирована лишь тезисно. Поэтому параллельно с такими программами нужно издавать специальные учебные пособия, методические разработки уроков и циклов лекций, тексты спецкурсов, тематические хрестоматии с фрагментами наиболее важных и показательных документов и текстов, публиковать материалы в школьной и вузовской периодике, интернете.

Осмысление исторических фактов, определение собственной позиции, участие в краеведческой мемориальной работе имеет большое значение для формирования ответственного, идеологически не зашоренного, свободно мыслящего, способного сопереживать страданиям других молодого человека.

3. ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА

Основные хранилища документов, необходимых для работы по всем перечисленным направлениям исследований — государственные и ведомственные архивы.

Обзор фондов центральных архивов (бывших союзных и республиканских), в которых хранятся документы по истории репрессий — отдельная сложная тема, требующая серьезной подготовки. Ограничусь констатацией: базовые нормативные и общие обзорные документы нужно искать там. Документы центральных архивов — основа для исследований по вопросам тоталитаризма и репрессий, и без описания этих фондов полноценная работа невозможна. Но большинство конкретных документов о ходе репрессий в каждом из регионов СССР находятся в местных архивах. Поэтому, основываясь на собственном опыте и опыте коллег из различных регионов Украины и России, представлю предварительный обзор фондов по истории репрессий, которые могут храниться в областных архивах.

Главные центры хранения интересующей нас документации — областной государственный архив, бывший партийный архив (по Украине он включен в состав областного архива, по РСФСР переименован в Центр документации новейшей истории, или Государственный общественно-политический архив), архив местного управления Службы безопасности и архив информационного центра УМВД. Дополнительными, но немаловажными являются архивы областной прокуратуры и суда.

По существующим описям *регионального госархива* нужно выделить все фонды краевых, областных, городских, районных и сельских органов исполнительной власти и определить по ним документы на «лишенцев», «раскулаченных», жертв голодоморов и административно репрессированных. В ходе работы с этими фондами могут обнаружиться и иные категории репрессированных.

В разные периоды и в разных регионах по-разному в региональные госархивы частично передавались документы милиции, ЧК, судов, трибуналов, прокуратур и даже концлагерей. Если они не отражены в основных описях, то следует проверить в спецхране. Как правило, в последнее десятилетие многие документы из спецхрана переведены на основное хранение, но не всюду и не все. А для изучения темы репрессий документы, находившиеся в советский период на спецхранении, особенно важны.

По фондам вышеперечисленных организаций можно подготовить выборки документов по подследственным и подсудимым, расстрелянным и заключенным, высланным и ограниченным в правах, находящимся под гласным и негласным надзором и другие. А сводный список персоналий репрессированных, составленный по этим фондам, будет значительно дополнять имеющиеся во многих регионах списки из службы безопасности.

Значительный интерес также представляют документы по разного рода «чисткам», выявлению «классово враждебных элементов», по цензуре и т. п.

В бывших *партийных архивах* в первую очередь нужно обработать фонды бывших губпарткомов, окружкомов и обкомов партии, и особое внимание обратить на так называемые особые папки. Помимо постановочных, инструктивных и отчетных документов самих парторганов там могли сохраниться информационные документы губернских, окружных, областных управлений ЧК — ГПУ — НКВД об осуществлявшихся в регионе репрессиях.

По протоколам заседаний бюро, КПК (контрольной партийной комиссии) и спецкомиссий можно составить перечень исключенных из партии «врагов народа». На момент исключения они или уже находились под стражей и следствием, или попадали под арест вскоре после исключения из партии. Кроме того, там могут находиться списки неблагонадежных, подлежащих аресту, которые парткомы составляли для местных органов ЧК — ГПУ — НКВД.

Особый интерес для восстановления атмосферы эпохи параноидального поиска врагов представляют протоколы партсобраний, заседаний партбюро, контрольных комиссий, партийных «чисток» и т. п.

Полагаю, что документы о самоубийствах руководящих партийных и советских работников (в том числе военачальников, прокуроров, руководителей предприятий, колхозов и т. д.) в результате организованной их травли и самоубийствах членов их семей также следует изучать и публиковать; и включать этих людей в списки репрессированных, даже если они ушли из жизни, не успев стать подследственными или осужденными.

В некоторые региональные или бывшие партийные архивы частично переданы прекращенные архивно-следственные дела из местных управлений Службы безопасности. В некоторые — копии заключений о реабилитации из областных прокуратур. Описание этих документов необходимо для изучения категории подследственных.

Сюда же из Службы безопасности переданы фонды фильтрационных материалов: архивно-фильтрационные дела, картотеки, трофейные документы. Они содержат данные о репатриантах (в том числе советских военнопленных, остарбайтерах, фольксдойч и др.), реэмигрантах, перебежчиках и т. п. Все они подвергались проверочно-фильтрационным процедурам, многие были заключены в лагеря, отправлены в трудармию или спецпоселки. Наиболее полный перечень этой категории репрессированных содержится в регистрационных журналах, которые, как правило, не переданы в государственные архивы и продолжают храниться в региональных управлениях Службы безопасности. Поэтому задача заключается не только в изучении и описании фонда фильтрационных материалов, но и в дополнении содержащихся там сведений данными этих журналов.

Архивы региональных управлений Службы безопасности — одно из главных хранилищ документов по истории репрессий в данном регионе. Для изучения персоналий репрессированных, составления именных списков и биографических справок следует обработать фонд архивно-следственных дел. Он может быть единым — таким каким формировался по мере поступления в архив завершенных следственных дел. А может быть разделен на основной, или нулевой (где продолжают храниться дела на не реабилитированных граждан и групповые дела, по которым часть граждан реабилитирована, а часть — нет), и на фонд прекращенных дел (фонд «П», куда переведены дела на реабилитированных и тех, в отношении кого дела были прекращены самими репрессивными органами). Часть этих дел в некоторых регионах передана на госхранение; но ограничиться описанием только переданных дел нельзя, поскольку это выборочная, крайне усеченная и нерепрезентативная информация. Задача заключается в том, чтобы полностью описать ***все*** архивно-следственные дела, независимо от места их хранения, причем без изъятия из них документов сотрудниками архива, со всеми приложенными к ним контрольными и наблюдательными делами, делами заключенных и имущественными делами. То есть необходимо ***полное*** описание всех следственных дел, оставшихся на хранении в данном регионе.

Наряду с этим фондом есть картотека подследственных (в основном карточки формы № 1, иногда формы № 2). Ее обработка также необходима, так как в ней могут содержаться данные о людях, дела на которых не сохранились или пересланы в другие города.

Второй фонд, требующий обработки — это фонд протоколов внесудебных органов (так называемых двойки, троек, коллегий, особого совещания и т. п.), приказов и распоряжений о расстрелах, актов о расстрелах. Предположительно в этом фонде могут также храниться расстрельные приговоры судов. Персоналии, указанные в документах этого фонда, частично пересекаются с персоналиями фонда архивно-следственных дел, но далеко не полностью. В этом фонде значительно больше персоналий тех, в отношении кого внесудебные органы приняли репрессивные решения, может содержаться информация об осужденных к расстрелу судебными органами, но отсутствуют данные об умерших в процессе следствия или освобожденных после проведения предварительного расследования. Кроме того, данные о расстрелах в этом фонде значительно точнее, чем та информация, которая представлена в части следственных дел на расстрелянных.

Поэтому необходима обработка обоих фондов. Они дополняют друг друга.

Точным наименованием других интересующих нас фондов не располагаю, они продолжают считаться «секретными». Ориентировочные названия: фонд приказов и распорядительных документов, фонд дел-формуляров и агентурных материалов, фонд оперативно-розыскных материалов, и др. В последнем из названных фондов хранятся документы по национальным и иным плановым операциям: в нашем регионе это репрессии против немцев, поляков, евреев, греков, болгар и др., так называемых бывших людей и их детей, представителей различных религиозных организаций и многие другие. В нем находятся также разнообразные сводки, справки, шифротелеграммы, информационные отчеты, текущая статистика и т. п. Сохранились ли или уже сожжены фонды агентурных материалов — не знаю.

Возможно, в архивах областных управлений Службы безопасности есть и другие фонды с документами о репрессиях, но мне они неизвестны.

Значительные массивы документов по истории репрессий хранятся в *архивах информационных центров (управлений информационных технологий) региональных управлений МВД,* но описей фондов (как и в Службе безопасности) нет. Единственный известный мне фонд — «Спецпоселенцы». В отличие от фонда архивно-следственных дел, образован он из дел, присланных в 50–60-е годы в наше областное УМВД из архивов мест спецпоселений. То есть это вторичный фонд, он отражает не реальный масштаб высылок из нашего региона, а только ту часть данных, которая содержится в делах, присланных из Томской, Свердловской, Кемеровской и иных областей России, а также из разных областей Казахстана. Полагаю, что в других региональных УМВД ситуация сходная. Безусловно, все эти дела необходимо обработать, но не забывать, что это информация лишь о части репрессированных, высланных на спецпоселения из данного региона.

В местах бывших спецпоселений архивы областных (окружных) УМВД (ГУМВД) содержат большое количество личных дел спецпоселенцев и, главное, картотеку спецпоселенцев, которая наиболее точно отражает реальный масштаб этого вида репрессий в данном регионе. И в этих фондах и картотеках продолжают храниться многочисленные данные о наших земляках, отсутствующие в наших областных фондах дел спецпоселенцев.

В местах бывших лагерей архивы ИЦ УМВД или архивы ГУИНа содержат картотеки заключенных и определенную часть их личных дел (на умерших или получивших увечье в лагере). Дела на остальных заключенных уничтожались по прошествии 50 лет после отбытия ими срока наказания.

Аналогично обстоит дело и с документами трудармейцев. В ряде регионов Урала и Сибири в архивах местных ИЦ УМВД или ГУИНа хранятся картотеки и частично личные дела трудармейцев. Трудовая мобилизация осуществлялась в значительной мере военкоматами. Поэтому если сохранились архивы районных, городских и областных военкоматов за 30–50-е годы, то данные о наших согражданах, насильственно мобилизованных в трудовую армию, есть и в них. Но где они находятся — мне неизвестно.

Еще один вид документов (как правило, также хранящихся в архивах УМВД) — списки разных категорий репрессированных: заключенных, «раскулаченных», спецпоселенцев, трудармейцев и т. д. Они малоинформативны, но могут содержать имена репрессированных, не сохранившиеся в делах или картотеках.

Кроме того, существуют конвойные (эшелонные, поэшелонные, этапные) списки, которые составлялись на репрессированных при их перемещении к местам отбытия наказания. Предположительное их местонахождение — архивы конвойных войск. Но *военные архивы,* как центральные, так и региональные, в том числе военных округов, военных трибуналов и военных прокуратур, — это отдельная, большая и сложная тема, требующая серьезной проработки и значительно больших знаний, чем мои. Единственное, что пока можно констатировать: все военные архивы — это один из важнейших источников для изучения истории репрессий в СССР и он до сих пор остается закрытым.

4. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТРУДНОСТИ

Многолетний опыт работы по этой тематике исследователей в постсоветских государствах свидетельствует, что проблем и трудностей здесь больше, чем готовых решений. В предыдущих разделах я сознательно на них не останавливалась, а лишь констатировала, что представляется необходимым сделать. Постараюсь сформулировать основные нерешенные проблемы.

Различие трактовок понятий «репрессия» и «репрессированный»

После издания в 1989 году указа и в начале 90-х годов принятия республиканских законов о реабилитации в общественном сознании укоренилось словосочетание «незаконные политические репрессии». Но жертвами таковых многие считают только тех, кто пострадал от видов репрессий, перечисленных в упомянутых законодательных актах. Более того, распространена точка зрения, что жертвами репрессий можно признать только тех, кто получил официальную реабилитацию. Но при таком подходе остаются вне сферы внимания многие виды репрессий, категории репрессированных и миллионы человеческих судеб.

Полагаю, что для научного исследования понятие «незаконные политические репрессии» недостаточно корректно.

Если принять определение *незаконные* репрессии, то как же быть с так называемыми законными? Оставить без изучения? Признать эту информацию секретной и в XXI веке? Предать забвению? И кто будет определять — законная это была репрессия или незаконная? Парламентарии, трактующие понятие «репрессии» в сугубо идеологическом ракурсе (каждый — в своем)? Сотрудники спецслужб, сортирующие дела по собственному усмотрению: какие подавать на реабилитацию, а какие нет? Или сотрудники прокуратуры и судов, перегруженные текущей работой и вряд ли заинтересованные в том, чтобы заниматься специальным и скрупулезным изучением архивных дел прошлого века?

При всех этих вариантах кроме нормы закона значительную роль играет субъективный фактор. И в результате информация о репрессиях получается выборочной и искусственно дозированной, что для научного исследования недопустимо.

Или второе определение — *политические* репрессии. А как быть с экономическими и идеологическими, не говоря уже о моральных и психологических? Предположим, что некоторые виды экономических и идеологических репрессий учтены в перечне «политических». Но это лишь незначительная часть от пока необозримого целого. И снова вопросы: является исследование целого задачей нашей историографии или нет? Можно ли ограничиться изучением частностей и соглашаться с сохранением «государственной тайны» о преступлениях уже не существующего государства?

Вопросы эти скорее риторические.

Несколько каверзнее иной вопрос, часто задаваемый сотрудниками спецслужб: вы что, хотите увековечить память преступников, уголовников? (Под таковыми они обычно понимают тех, на кого нет официального заключения о реабилитации). При такой постановке вопроса напрашивается отрицательный ответ. Но тогда нужно ставить следующие вопросы: а кто и по каким критериям определил, что

этот конкретный человек — преступник, уголовник? «Вор», укравший во время голодомора несколько колосков с поля? «Разбойник», занявший свой собственный дом, из которого его выгнали при коллективизации? «Шпион», нелегально перешедший границу, когда демаркационная линия разделила его село и село его родителей? «Нарушитель паспортного режима», вернувшийся из ссылки к своей семье и получивший отказ в прописке? Да, с точки зрения советского уголовного кодекса и массы подзаконных актов эти люди — преступники; а раз кодекс уголовный, то, значит, и уголовники. Но можно ли сегодня сохранять эти критерии оценки?

Безусловно, реальные преступники были и, вероятно, в большом количестве. Тоталитарное государство само порождает преступную деятельность, хотя и декларирует постоянную борьбу с нею. Создавать мартирологи этих людей (хотя и они жертвы режима) было бы странно. Но для изучения явления преступности (реальной и мнимой) и явления репрессий («законных» и «незаконных») необходима полная и точная информация обо всех видах репрессий и всех так называемых спецконтингентах. То есть обо *всех* людях, подвергавшихся *любым* видам уголовного или административного преследования, и всех видах такового. ***Полная и точная о всех.*** А вот какая часть этой информации будет представлена в электронных базах данных, опубликована в списках и биографических справочниках репрессированных, а какая останется лишь для статистического и аналитического использования — этот вопрос можно решить только после объективного изучения всей информации о репрессиях.

К слову пример, свидетельствующий о большой сложности этой проблемы. Общеизвестно, что 1937–1938 годы — пик массовых репрессий, в том числе расстрелов. Не обще, но достаточно широко известно, что «сверху» спускались плановые разнарядки и на аресты, и на расстрелы. И вот как поступить в таких случаях: человек в 1936-м — начале 1937-го осужден за кражу, хулиганство, проституцию и т. п. и находится в тюрьме. А в конце 1937-го — начале 1938-го для выполнения «плана по расстрелам» тройка решает его расстрелять. Является ли он жертвой незаконных репрессий? Да, безусловно, тройка — внесудебный орган и ее решения незаконны; тем более что новое дело на этого человека не возбуждалось, новое обвинение не предъявлялось, а за свое преступление он уже осужден на один-два года заключения. Но ведь осужден, возможно, по заслугам? Точно это неизвестно, информация о его прежнем преступлении сформулирована только в протоколе тройки, а самого дела нет. Но предположим, это правда, то есть он действительно уголовник. Так публиковать такие данные или нет? Есть паллиатив: публиковать только анкетные данные и само репрессивное решение, без формулировки обвинения. Но мне представляется, что хотя бы расстрельные протоколы нужно публиковать полностью. Это станет еще одним свидетельством того, как мало ценилась человеческая жизнь, как соотносились совершенные деяния и мера наказания, как принимались репрессивные решения.

Снова повторю: для научного исследования должна быть доступна ***вся информация о репрессиях,*** без искусственных ограничений. Пора, наконец, снять грифы «секретно», «совершенно секретно», «для служебного пользования» с документов о репрессиях. И вопрос о том, что и в каком виде публиковать в сборниках документов, Книгах памяти, специальных исследованиях, должно решать научное сообщество, а не спецслужбы. Запрет на информацию при проведении

научных исследований недопустим, репрессии должны изучаться в том реальном масштабе, в каком они совершались. И одно из первых условий этого — научно обоснованное и точное определение понятия «репрессии».

Недоработанность законодательной базы и отсутствие необходимых нормативных документов

Основными законами, регламентирующими работу с документами по истории репрессий, являются законы о реабилитации, о государственной тайне, о спецслужбах (в каждом государстве со своими названиями), об архивах, об информации.

Проблемы заключаются в том, что они:

- не согласованы друг с другом;
- частично остались в советском варианте;
- не согласованы на межгосударственном уровне на постсоветском пространстве;
- в значительной своей части не соответствуют нормам международного права.

Это создает возможность манипулирования нормами права и сохранения запрета на информацию, необходимую для объективного изучения темы репрессий.

Поэтому задача заключается в том, чтобы в части этих законов, касающейся документов по истории органов советской власти, партийных органов, спецслужб и армии, а также документов собственно по истории репрессий, снять «запретительно-разрешительный» принцип и четко сформулировать, что ***все*** эти документы являются документами открытого пользования. Возможно, в отношении части документов второй половины XX века следует уточнить, что в открытый доступ они попадают по истечении 75-летнего срока.

Полагаю, что в законах также должен быть четко сформулирован запрет на уничтожение этих документов и оговорена мера уголовной ответственности за их повреждение или уничтожение. Такие акции постоянно и в большом масштабе совершались при советской власти, продолжают совершаться и сейчас — по усмотрению самих сотрудников спецархивов или с мотивацией «не хватает места для хранения», документы «не представляют ценности» или «содержат компрометирующую информацию» и т. п. Но если наши государства действительно независимы, дистанцируют себя не только друг от друга, но и от СССР, и на официальном уровне признают советские репрессии преступлением, то давно пора официально заявить и законодательно закрепить, что уничтожение любых документов по истории репрессий является уголовно наказуемым преступлением. А пока сотрудники спецслужб считают такие акты вандализма не только своим неотъемлемым правом, но и обязанностью как «хранителей государственных секретов». На вопросы же: тайны какого государства они столь бдительно хранят и какое отношение эти тайны имеют к современным государствам, — предпочитают не отвечать.

Следует оговорить, что у многочисленных противников раскрытия этих документов есть аргумент якобы этического свойства: делать это нельзя, потому что этим можно нанести ущерб чести (достоинству, здоровью, жизни) других людей. Каким образом? Среди архивных документов — много доносов, сообщений, заявлений от «бдительных» граждан, партийных и профсоюзных организаций, сводок сексотов и информаторов, различных других агентурных материалов. В протоко-

лах допросов обвиняемых много взаимообличающих и обвиняющих друг друга показаний. В протоколах допросов свидетелей много негативных характеристик обвиняемых. Указаны фамилии сотрудников спецслужб, производивших аресты, ведших следствие, принимавших репрессивные решения. В документах периода пересмотра дел есть данные о пытках, истязаниях, издевательстве и шантаже, которые применялись при допросах. В делах, завершившихся самоубийством заключенных, есть фамилии следователей, доведших этих людей до суицида. В протоколах заседаний как внесудебных, так и судебных органов указаны фамилии и должности тех, кто принимал репрессивные решения, в том числе и о расстрелах. В актах о расстрелах указывается, кто их совершал и кто из официальных лиц при этом присутствовал. В оперативной документации достаточно подробно описаны методы работы сотрудников ЧК, ГПУ и т. д. — провокации, шантаж, ложь, использование межличностных конфликтов, подкуп и т. п. В тюремной и лагерной документации много донесений внутрикамерной агентуры. И так далее, и тому подобное.

Это действительно очень трудные документы. Часто они хранят свидетельства о худших, низменных сторонах человеческой натуры. Следует помнить, что воспринимать их некритически и признавать все в них написанное за абсолютную правду категорически нельзя. В них много лжи, фальсификации, оговоров и самооговоров в результате физического или морального воздействия, примененного к подследственному, свидетелю и даже собственному осведомителю.

Ссылаясь на ныне действующие законы о реабилитации и разъяснения к ним, в которых сформулировано положение о том, что знакомство с делами реабилитированных не должно нанести ущерб чести и достоинству других людей, сотрудники ведомственных архивов изымают из дел многие документы, в первую очередь — агентурные, осведомительные, доносительные, свидетельствующие о применении пыток и т. п. В протоколах заседаний троек и других внесудебных органов закрывают фамилии тех, кто принимал репрессивные решения, в актах о расстрелах — кто их совершал и при этом присутствовал (или вообще отказывают в выдаче этих документов для исследований). Не выдаются контрольные и наблюдательные, тюремные и лагерные дела, изымаются имущественные дела. При этом используют безапелляционный аргумент: эти документы содержат компрометирующую информацию и должны оставаться секретными. Что если родственники или наследники репрессированного захотят отомстить доносчику, сексоту, бывшему следователю или коменданту, совершившему расстрел, а если их нет в живых — то их детям или внукам?

Как отвечать на подобные высказывания? Ведь, полагаю, никто из исследователей, публикующих материалы о репрессиях, не захочет дать повод для нового насилия, тем более в отношении ни в чем не повинных детей и внуков. Но предлагаю подумать, не является ли этот аргумент казуистикой? Чьи «честь и достоинство» оберегают сотрудники спецархивов? Доносчика и сексота, садиста и убийцы? Да — в законном статусе, выполняющего свои «должностные обязанности», но, тем не менее, несущего ответственность за десятки и сотни искалеченных и уничтоженных человеческих жизней. Сколь велик шанс, что родственники репрессированного увидят публикацию именно тех документов, в которых указаны имена людей, связанных с репрессией близкого им человека? И кто дал право априори

подозревать всех родственников репрессированных в способности и желании посягнуть на здоровье и жизнь родственников людей, совершавших репрессии?

Те, кто вершил террор или содействовал ему, не понесли за свои деяния юридической ответственности. Но моральную нести должны. И скрывать их имена, факты преступлений, документы, свидетельствующие о том, что происходило в те годы, безнравственно и преступно. Так является ли аргумент об охране чести и достоинства столь безапелляционным?

Интересная деталь. Мне доводилось беседовать с сотрудниками спецслужб постсоветских государств, занимающими разные должности и носящими разные звания; и когда речь заходила о рассекречивании документов о репрессиях, все они говорили, что это может «нанести ущерб чести и достоинству», буквально одними и теми же словами. Что это — особенности корпоративного мышления, или «удачно» сформулированная мотивировка сохраняющейся секретности заимствуется на постсоветском пространстве, или действует единая инструкция?

Повторяю, несмотря на возможные коллизии, законодательно должна быть закреплена единая норма: *для научного исследования не может быть запрета или ограничения ни на какую информацию.* Документы о репрессиях — это исторические, а не оперативные документы и поэтому должны являться документами открытого доступа.

Но помимо законодательной должна быть разработана нормативная база. Кроме указов о введении законов в действие и постановлений правительства о том, как должны реализовываться нормы права, определенные в данных законах, нужны приказы и распоряжения по всем ведомствам, имеющим на хранении архивные фонды о репрессиях. И в этих нормативных документах должны быть четко сформулированы обязанности сотрудников архивов хранить всю документацию в целости и сохранности и предоставлять ее для научного изучения полностью.

В свою очередь научные организации, ведущие исследовательскую работу по данной проблематике, могут разработать свои положения, в которых будут оговорены нормы и правила публикации разных видов документов в разных типах изданий. Например, в биографическом справочнике репрессированных, содержащем краткие стандартные справки, публикация агентурных данных, фамилий доносчиков, следователей, свидетелей неуместна. Аналогично — в банке данных репрессированных в интернете. Но при описании дел и тем более публикации архивных документов все имена и все обстоятельства дела должны быть отражены.

Желательно, чтобы положения о работе с архивными документами не разрабатывались каждой организацией отдельно, а обсуждались в профильных научных коллективах, затем согласовывались и утверждались на уровне головной научной организации не как запретительные, а как рекомендательные. Главную же ответственность за публикацию несет сам исследователь.

Неизученность источниковой базы, отсутствие свободного доступа к источникам и их плохая сохранность

В связи с множественностью типов и разновидностей источников по истории репрессий и засекреченностью большинства из них проблема комплексного источниковедческого исследования данной группы документов до сих

пор не ставилась. Необходимо провести такое специальное исследование. Оно даст возможность:

- составить полный перечень всех типов и разновидностей источников по данной проблеме и провести их систематизацию;
- определить, какие виды репрессий по каким источникам описываются;
- выяснить, где возникают пересечения информации по разным источникам, позволяющие проверять, уточнять и дополнять данные о фактах репрессий, судьбах репрессированных, деятельности репрессивной системы и т. д.;
- определить, в чем специфика каждого источника (и комплексного, и одиночного), как он структурирован, как изменялся по годам, каковы его модификации в разных регионах СССР, как определять степень его достоверности, на что обращать особое внимание при его описании и т. п.

Понятно, что это очень объемная, сложная и длительная работа, но, учитывая, что на уровне самостоятельных научных исследований она уже ведется (что еще раз подтверждает ее необходимость и актуальность), полагаю, что при наличии необходимых ресурсов и продуманной организации осуществить такую комплексную разработку можно.

Одна из главных проблем — засекреченность до сегодняшнего дня большинства источников по теме истории репрессий. Да, незначительная часть документов (притом с большими купюрами) передана из архивов спецслужб на госхранение и ограниченный доступ к ним в некоторых регионах появился. Да, отдельные исследователи в силу личных связей имеют доступ к некоторым документам в ведомственных архивах и используют их в своих публикациях. Да, некоторые сотрудники спецслужб сами публикуют отдельные архивные документы.

Но проблему в целом это не решает, — наоборот, усложняет ее кардинальное решение. Ведь создается видимость, что тема репрессий уже не запретна: публикаций масса, и часть их — на основе архивных источников; то есть все в порядке, «демократия в действии». А то, что на самом деле опубликована мизерная часть информации о репрессиях, причем бессистемно и символическими тиражами, а доступа к источникам для исследователей как не было, так и нет, — остается вне поля зрения.

Реальная ситуация такова: ***в большинстве архивов — и государственных, и в особенности ведомственных — сохраняется режим секретности для большинства документов о репрессиях. Абсурд в том, что государства, которое их совершало, нет, а секретность документов о его преступлениях продолжает сохраняться. Особая опасность и преступность сложившейся ситуации в том, что под прикрытием режима секретности документы продолжают уничтожаться.***

Полагаю, что причины этого не в злом умысле сотрудников спецхранов госархивов, бывших партархивов и офицеров спецслужб, руководящих ведомственными архивами. Иначе ситуация не была бы столь всеобща. Причины ее носят объективно-субъективный характер. Это

- недоработанность законодательства и отсутствие нормативной базы;
- должностная ответственность за соблюдение «государственной тайны» (мнимая или подлинная — иной вопрос);
- инерция мышления: всегда было секретно, почему же сегодня нет?

• «синдром вахтера» — могу пустить, могу не пустить; в нашем случае вариант: могу выдать, могу не выдать, я «лучше знаю» и потому сам решаю, нужен вам этот документ для работы или не нужен;

• и главное — типичная для любого чиновника модель поведения: за отказ и запрет начальство не накажет, а вот если выдать, то могут быть неприятности.

Устранение объективных препятствий и преодоление субъективных, в том числе инерционных, потребует сил и времени. Но это нужно делать. Ситуация должна быть изменена — и законодательно, и организационно, и психологически.

Один из путей — передать всю документацию по истории репрессий на открытое государственное хранение и создать специализированные архивы, а лучше — научно-исследовательские институты и центры, где эту документацию будут хранить, описывать, реставрировать, переводить на электронные носители и изучать. Особая актуальность проблемы в том, что многие источники — в очень плохом состоянии, часто на грани исчезновения. Ветхая бумага, блеклые чернила, плохие условия хранения (теснота, перепад температур, сырость, подтопления, пожары и т. п.), отношение к этим документам как к хламу, который загромождает помещение, и поэтому «лучше бы его списать» (то есть уничтожить, сжечь) — такова сегодняшняя реальность.

Эти документы требуют спасения, они уникальны, и утрата их невосполнима. Это наша общая история, и неуважение к ней, запрет на ее полноценное изучение свидетельствуют о живучести стереотипов «совкового» мышления и поведения, от которых мы всё еще не можем освободиться. Ни на государственном уровне, ни на индивидуальном.

Отсутствие научных методик описания документов, подготовки тематических изданий и других методических разработок

Для подготовки серийных изданий, сборников документов, понятийных и именных справочников, аннотированных описаний дел, создания баз данных и издания Книг памяти, описания системы ГУЛАГа, поиска мест массовых могильников безымянных репрессированных и проведения раскопок, организации музеев и мемориалов, а также других работ по истории репрессий необходима профессиональная разработка соответствующих методических рекомендаций, указаний и инструкций.

Для архивной работы в первую очередь должны быть разработаны научные методики описания каждого типа источника и его разновидностей по всем видам репрессий и всем категориям репрессированных. Без этого вся дальнейшая работа, в том числе издательская, будет потенциально содержать серьезные ошибки и не соответствовать необходимому уровню информативности.

Наиболее качественно методики описания источников могут быть подготовлены после проведения источниковедческих исследований, составления обзора документов и источниковедческого описания каждого из них. Методические разработки, основанные на этих научных исследованиях, должны содержать четкие указания: как работать с каждым источником, в какой последовательности обрабатывать документы, какую информацию из каких документов брать, с чем и как ее сверять и перепроверять, что делать в спорных случаях, как готовить документы к публикации и многое другое.

Желательно подготовить инструкции по способам технической обработки документов, переводу их в электронную форму, методике работы с различными базами данных.

Для серийных изданий нужны подробные методические указания по разным видам публикаций о репрессиях. В них следует описать и дать не только образцы структуры и типовых формулировок, но и подробные параметры для макетирования (размеры страниц, шрифты, кегли, поля и т. д.) и для издания (бумага, обложка, титул, переплет и т. д.).

Нужны точные методические указания по изданию сборников документов, с объяснением принципов серийного издания, единой структуры сборников, обязательными и факультативными разделами, едиными принципами размещения документов и единой формой их публикации.

Особое внимание следует обратить на выработку стандартов по каждой категории репрессированных и согласование их между собой. В методических рекомендациях должны быть представлены эти стандарты, прокомментированные и снабженные соответствующей типовой анкетой, а также даны точные указания, из каких документов и каким образом брать информацию по каждому пункту.

Нужны стандарты описания мест заключения, ссылок, высылок, спецпоселений и других мест отбытия наказания.

Следует разработать методические указания для подготовки сводного именного списка и биографических справочников репрессированных, а также справочников сотрудников спецслужб. Помимо того, что информация в списке и биографическая справка должны соответствовать заданному стандарту данных и образцам формулировок, при подготовке к изданию нужно стремиться к унификации записей по каждому пункту. Для этого нужно провести дополнительную исследовательскую и методическую работу и составить подробные справочники по большинству пунктов стандарта: административно-территориальные наименования, национальности, профессии и специальности, репрессивные и реабилитирующие органы, репрессивные и реабилитирующие статьи, меры наказания, места отбытия наказания и т. д.

Можно подготовить отдельные методические рекомендации для записи воспоминаний репрессированных и их родственников. В них желательно включить не только подробные вопросники для разных категорий репрессированных, но и рекомендации психолога и социального работника: как вести беседу, не травмируя психику пожилого человека, но помогая ему снять груз тягостных воспоминаний.

Были бы также полезны методические рекомендации по поиску мест массовых могильников жертв репрессий, способам их определения, с описанием методов раскопок и экспертизы останков, советами по организации ритуальных захоронений.

Нужны методические рекомендации по музейной работе и созданию мемориальных просветительских комплексов: какие материалы использовать для экспозиции, как ее построить, какие понадобятся технические средства, как проводить экскурсии, сформировать библиотеку и видеотеку и т. п.

Специальные методические указания следует подготовить для работы в интернете, с аннотациями тематических сайтов по истории репрессий, с характе-

ристикой поисковых систем, адресами организаций и координатами исследователей, работающих по данной теме.

Возможно, следует подготовить методические рекомендации по изданию Книг памяти, несмотря на то, что они уже публикуются многие годы и большинство изданий значительно отличаются друг от друга. Понятно, что редколлегии, издающие эти книги в постсоветских государствах, не станут существенно менять свои способы подачи материала, но, возможно, хотя бы некоторые из них решат использовать отдельные научные рекомендации, сформулированные в таком пособии.

Методическая работа, как и исходная источниковедческая, очень велика; но без ее выполнения комплексные исследования, а значит — и согласованность, единообразие и системность дальнейшей работы невозможны.

Отсутствие профессиональных коллективов, специализирующихся по данной тематике

Для проведения научных исследований и получения необходимых результатов нужны профессиональные коллективы (группы), ведущие плановую научную работу. Эти коллективы должны включать в себя историков, специализирующихся по советскому периоду, историографов, источниковедов, архивистов, юристов, краеведов, музейных работников, редакторов, программистов, корректоров и других специалистов.

Каждый из таких коллективов может специализироваться в одной или нескольких областях: описании определенных типов источников, подготовке определенного вида серийных изданий, составлении справочников, поисковой работе, музейном деле и т. д.

Количество и специализация таких коллективов в регионах могут быть различными в зависимости от обширности и разнообразия базы документов и других данных о репрессиях, а также в зависимости от количества подготовленных специалистов. Но главное, чтобы эти специалисты работали по общему согласованному плану, единым методикам и в постоянном контакте друг с другом.

Оптимальным вариантом было бы включение научной проблематики по истории репрессий в плановые научные темы университетов (в небольших городах — гуманитарных вузов), объединение вокруг базовых кафедр всех специалистов, занимающихся данной тематикой в регионе, и создание на основе базовых кафедр рабочих групп с разной специализацией (источниковедческой, архивной, компьютерной, поисковой, музейной и т. д.). По результатам работы таких групп можно разработать спецкурсы для студентов и старшеклассников; включить в практику студентов-историков ознакомление с делами и другими документами о репрессиях, в практику студентов-юристов — пересмотр дел репрессированных, составление заключений о реабилитации, в практику студентов-филологов — редактирование материалов для изданий по истории репрессий и т. д. По итогам занятий и практики можно рекомендовать наиболее заинтересованных студентов на дальнейшую, уже профессиональную работу в соответствующей группе.

Привлечение молодых людей будет способствовать решению нескольких задач: образовательной, воспитательной (студенты примут участие в исследовательской работе и познакомятся с новыми для себя материалами) и одновремен-

но задачи перспективной организации работы (на сегодняшний день программы по истории репрессий в основном ведут люди пожилого и преклонного возраста, а участие молодежи даст возможность пролонгировать эти программы). Кроме того, это позволит более интенсивно использовать новые электронные технологии и современную оргтехнику.

Недостаточная компьютерная грамотность и отсутствие навыков работы в интернете

Объем материалов по истории репрессий в СССР огромен. Трудно представить другой аспект советской истории, по которому требовалось бы переработать такой массив разнообразнейших текстов. Осуществить эту работу, освоить и систематизировать такой объем информации без использования современных технологий, в первую очередь — компьютерных программ, невозможно.

Основной способ сохранения архивных источников — это перевод их в электронный вид. Нужны специальные унифицированные программы для всех коллективов (групп), работающих по данной научной теме. В первую очередь это программы баз данных, необходимые для всех направлений исследований: и для составления справочников, и для описей документов, и для указателей, и для многого другого. Эти программы должны быть снабжены подробными инструкциями; следует также проводить обучающие семинары для тех, кто ими пользуется.

Работа современного исследователя невозможна без использования ресурсов интернета. Поэтому необходимо создание базового сайта (или серии профильных сайтов), где отражалась бы текущая работа: действующие законодательные и нормативные акты и проекты их изменений, источниковедческие исследования, методические разработки и стандарты по разным категориям репрессированных, различные базы данных (с возможностью их постоянного пополнения), библиография по различным аспектам репрессивной проблематики, фото- и видеоматериалы, прочее.

По мере продвижения работы желательно создание сайтов различных научных коллективов, которые отражали бы результаты их исследований. Справочные страницы с адресами и аннотациями всех аналогичных сайтов на каждом из них упростят посетителям поиск и взаимопереход.

Одна из обязательных форм совместной работы — регулярное обсуждение текущих задач на тематических конференциях в интернете (работа в государственных и ведомственных архивах, юридические проблемы, поисковая работа, музейная работа и т. п.). При этом количество конференций, на которые подписывается каждая группа, не ограничивается, но участие как минимум в одной — соответствующей основному профилю работы этой группы — обязательно. Без постоянного информирования коллег о проделанной работе, без координации действий, без обсуждения текущих проблем и спорных вопросов совместная работа невозможна.

Финансовые и материально-технические проблемы

Работа такого масштаба требует постоянного бюджетного финансирования и материально-технического обеспечения. На общественных

началах или за счет грантов, выделяемых иностранными фондами, можно в лучшем случае выполнить локальную работу (а зачастую, как показывает опыт, только ее начать). Но комплексное научное исследование, с участием сотен специалистов разного профиля на всем постсоветском пространстве, без постоянного бюджетного финансирования невыполнимо.

Исследования по теме репрессий в СССР до настоящего времени поддерживаются более иностранными грантодателями, чем правительствами постсоветских независимых государств. Но если тезисы о «демократизации», «правовом государстве», «соблюдении прав человека» и «приоритете гуманитарных ценностей» — не пустые декларации политиков, то такие научные исследования должны быть учтены в госбюджетах.

Пример такого решения — две украинские программы: издание научно-документальной серии книг «Реабилитированные историей» и Комплексная программа по увековечению памяти жертв войны и политических репрессий. Но опыт Украины желательно в дальнейшем усовершенствовать. Финансирование необходимо осуществлять целевое и централизованное, из госбюджета, а не перекладывать его на областные бюджеты и на усмотрение областных госадминистраций. Кроме того, в бюджетных ассигнованиях нужно предусмотреть материально-техническое обеспечение каждого научного коллектива (группы).

Не берусь прогнозировать потребности головных организаций в столицах, но каждый научный коллектив на уровне города и области, состоящий, предположим, из десяти — пятнадцати человек, должен иметь не менее шести-семи компьютеров, принтер, ксерокс, сканер, цифровой фотоаппарат, факс, выделенную линию в интернете и достаточное количество расходных материалов (дискеты, CD, картриджи, тонеры и т. д.).

Основные статьи расходов:

- оплата труда штатных сотрудников и гонорары приглашенным исследователям;
- оборудование;
- аренда помещения, телефон, интернет;
- издательская деятельность;
- поисковая работа;
- благоустройство мест массовых захоронений и установка памятников;
- финансирование мемориальных комплексов и музеев;
- командировки;
- хозяйственные расходы.

Все это большие финансовые затраты, притом не разовые, а долгосрочные. Но это ***наша*** история, и искупление преступлений прошлого — ***наш*** долг.

Конечно, учитывая нашу «бедность», можно просить помощи у иностранных фондов. Но если основную часть финансовых обязательств по выполнению этой работы не возьмут на себя наши государства, то это будет очередным свидетельством того, что переосмысления советского прошлого на государственном уровне не произошло и политическое руководство наших стран не заинтересовано в реальном и подлинном освобождении от преступного наследия прошлого.

5. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Все вышесказанное предполагает единственно возможное решение — разработку и поэтапное выполнение ***международной комплексной научно-исследовательской программы по истории репрессий в СССР***. Она может быть инициирована на парламентском или правительственном уровне одной или нескольких стран, общественными организациями или прессой, но полагаю, что оптимальным вариантом была бы академическая инициатива и в дальнейшем академический статус программы.

На первом этапе желательна организация международной научной конференции с участием руководителей и сотрудников профильных институтов Академий наук всех постсоветских государств. Нужно также пригласить исследователей, уже работающих по данной проблематике. Изданные ими работы могут стать основой для дальнейших исследований по разным направлениям комплексной программы.

При подготовке конференции полезно собрать информацию и провести предварительный анализ того, что, как и кем делается по изучению истории репрессий в каждом из государств, издать ее и разослать всем приглашенным участвовать в конференции. На основе собранной информации и присланных текстов (тезисов докладов) можно составить проект тезисов будущей комплексной программы и в соответствии с основными направлениями работы выделить секции конференции.

Помимо секционной работы на конференции нужно провести презентацию основных изданий по теме, тематических сайтов и компьютерных программ, подготовить тематические выставки и в завершение провести круглый стол с обсуждением проекта тезисов комплексной программы.

В итоге должен быть создан оргкомитет (или координационный совет) с участием представителей всех академических институтов и принят проект обращения в высшие органы власти от президиумов Академий наук, на основе которого каждая национальная Академия смогла бы начать работу по инициированию такой программы в своей стране. На последующих этапах многое зависело бы как от активности оргкомитета, так и от степени заинтересованности президиумов каждой из Академий. Но, возможно, конференция стала бы достаточно сильным стимулом, чтобы некоторые исследователи и отделы академических институтов начали (или более интенсивно продолжили) разработку темы истории репрессий.

Главные задачи оргкомитета — разработка проекта комплексной программы и подготовка документов, необходимых для ее представления в высшие органы власти. Программа должна быть многоуровневой и строиться, полагаю, «сверху вниз»: от работы, основанной на всесоюзной документации, — к республиканской и к региональной. Понятно, что работы первого уровня — прерогатива Москвы и Санкт-Петербурга, организация исследований в бывших республиканских архивах — задача национальных Академий наук. А вот на третьем, региональном уровне, полагаю, что оптимальный вариант — это создание разнопрофильных научно-исследовательских коллективов на базе местных вузов, в первую очередь — университетов, педагогических и юридических вузов.

Если изучение истории репрессий станет плановой научной темой, выполняемой под эгидой Академий наук по единым научным методикам и финансируемой из госбюджетов по целевой статье, то вероятность привлечения к ней специ-

алистов высокого уровня и появления серьезных научных разработок по разным аспектам данной тематики значительно возрастет. Появится и возможность привлечения к этой работе молодежи, в том числе научной, что является важнейшей задачей этой программы.

О том же, как конкретно можно организовать такую работу и какие проблемы в какой последовательности решать, я постаралась написать во втором, третьем и четвертом разделах этой статьи: «Основные направления изучения истории репрессий», «Источниковая база» и «Основные проблемы и трудности».

В качестве подтверждения базового тезиса о том, что за последние два десятилетия практически по всем направлениям исследований в разных регионах бывшего СССР проделана большая и серьезная работа, и сейчас необходим переход ее на новый уровень — международной комплексной программы, привожу в приложении выборочный список изданных работ. Список составлен в соответствии со структурой первого и второго разделов этой статьи — «Нынешний уровень разработки темы» и «Основные направления изучения истории репрессий». Наиболее полная библиография Книг памяти представлена на сайтах Северо-Западного координационного центра «Возвращенные имена» (http://www.visz.nlr.ru) и Международного общества «Мемориал» (http://www.memo.ru).

В завершение хочу сказать, что полностью отдаю себе отчет в том, что многое в этой статье будет воспринято как утопия. Однако мой многолетний опыт работы по данной тематике и взаимодействие с коллегами из разных регионов бывшего Союза свидетельствуют, что отдельные локальные исследования, сколь бы профессиональны и качественны они ни были, проблемы не решают. Без объединения усилий, без координации общей деятельности, без научной базы и систематической работы профессионалов самого разного профиля, без участия государства эта проблема не решаема в принципе. Каждый из нас лишь прикасается к верхушке айсберга, а основной, определяющий массив информации уходит в никуда, причем не фигурально, а буквально. Думаю, в очередной раз напоминать, сколь это опасно для будущего нашего постсоветского общества, необходимости нет.

То, что изложено в этой статье, сделать можно. Сложно, длительно, дорого — но можно. Важно определить, есть ли в нашем научном сообществе понимание того, что делать это необходимо, и есть ли инициативные люди, готовые участвовать в столь трудоемкой и неблагодарной организационной работе.

А пока эти вопросы остаются открытыми, представляем работу, которая выполняется нашим коллективом — сотрудниками Одесского академического центра — на региональном уровне. Итак, репрессии в Одессе и Одесской области. Мартиролог. Тома третий и четвертый*.

Л. В. КОВАЛЬЧУК,
кандидат филологических наук,
директор Одесского академического центра

** Эта статья была написана для третьего тома «Мартиролога», но объем подготовленного материала потребовал его разделения на два тома по категориям репрессированных: третий (о подследственных) и четвертый (о спецпоселенцах). Статья перешла в этот том, но относится к обоим, так как в ней изложена новая концепция работы по программе, представленная в новых томах «Одесского мартиролога».*

Приложение

ВЫБОРОЧНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ (монографии, сборники, сайты)*

1. Книги памяти и электронные базы данных репрессированных

Книги памяти жертв политических репрессий в СССР: Аннот. указ. / Рос. нац. б-ка, Междунар. проект «Возвращенные имена»; Сост. Ю. П. Груздев, А. Я. Разумов. — СПб., 2004. — 336 с.

Учтены 626 книг памяти стран постсоветского пространства и Польши, в которых приведены более 1 500 000 биографических сведений. Электронную версию, включая постоянно обновляющуюся библиографию, см. на сайте РНБ «Северо-Западный координационный центр „Возвращенные имена"» http://www.visz.nlr.ru

Реабілітовані історією: Всеукраїнська науково-документальна серія у 27 томах / Ін-т історії НАН України; обласні редколегії.

27 томов — в соответствии с административным делением Украины, каждый том состоит из серии книг. Уже изданы книги в Винницкой, Донецкой (2 кн.), Днепропетровской (7 кн.), Закарпатской, Запорожской, Ивано-Франковской (5 кн.), Кировоградской, Киевской, Луганской (2 кн.), Николаевской, Полтавской, Ровенской, Сумской, Харьковской, Херсонской, Черкасской областях и в Автономной Республике Крым, готовятся — в остальных областях Украины.

CD Жертвы политического террора в СССР. — 3-е изд., перераб. и доп.: В 2 дисках / Междунар. общ-во «Мемориал», Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте РФ, Музей и общественный центр им. А. Д. Сахарова, Региональная общественная организация «Открытая Россия». — М., 2004.

Сводная база данных о репрессированных (биографические сведения о более чем 1 340 000 человек). Указатель книг памяти. Документы и справочники по истории террора.

Сайты в интернете

http://www.memo.ru

Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» (Москва)

http://memorial.org.ua

Историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» имени Василя Стуса (Киев)

http://memory.sakharov-center.ru

Музей и общественный центр «Мир, прогресс и права человека» им. А. Д. Сахарова (Москва)

http://www.visz.nlr.ru

Северо-Западный координационный центр проекта «Возвращенные имена» (Санкт-Петербург). Сайт Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

http://www.ntspi.ru/memory/

** Наиболее многочисленные публикации — воспоминания, биографии репрессированных, описания одиночных и групповых дел, очерки о репрессиях в отдельных регионах — в библиографии не указываются. Также не приводятся еще более многочисленные статьи по проблемам тоталитаризма и истории репрессий в периодической печати, различного рода сборниках и материалах конференций. Выборочно представлены только монографии и сборники, расположенные в соответствии с подразделами первого и второго разделов статьи: «Нынешний уровень разработки темы» и «Основные направления изучения истории репрессий», а также несколько сайтов с базами данных репрессированных. На сайте Международного общества «Мемориал» даны отсылки на многочисленные региональные сайты с материалами о репрессиях и данными о репрессированных.*

Уральский координационный центр проекта «Возвращенные имена» (Нижний Тагил). Сайт лаборатории «Историческая информатика» Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии

http://www.vi.krsk.ru

Технический центр проекта «Возвращенные имена» (Красноярск)

http://orel.rsl.ru/

Открытая русская электронная библиотека. Сайт Российской государственной библиотеки (Москва)

2. Сборники документов

Серийные издания

Архив новейшей истории России. Серия **«Каталоги»** / Г. Л. Фриз (гл. ред.) и др. *Например:*

Т. 1: «Особая папка» И. В. Сталина: Из материалов Секретариата НКВД — МВД СССР, 1944–1953 гг.: Каталог документов / Отв. сост. М. Е. Колесова и др.; Под. ред. В. А. Козлова, С. В. Мироненко; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — М.: Благовест, 1994. — 358 с.

Т. 2: «Особая папка» В. М. Молотова: Из материалов Секретариата НКВД — МВД СССР, 1944–1956 гг.: Каталог документов / Сост. Е. Д. Гринько и др.; Под. ред. В. А. Козлова, С. В. Мироненко; ГАРФ. — М.: Благовест, 1994. — 219 с.

Т. 3: «Особая папка» Н. С. Хрущева (1954–1956 гг.). Переписка МВД СССР с ЦК КПСС (1957–1959 гг.): Из материалов Секретариата МВД СССР, 1954–1959 гг.: Каталог документов / Сост. В. П. Козлов и др.; Под ред. В. А. Козлова, С. В. Мироненко; ГАРФ. — М.: Благовест, 1995. — 364 с.

Т. 4: «Особая папка» Л. П. Берии: Из материалов Секретариата НКВД — МВД СССР, 1946–1949 гг.: Каталог документов / Сост. О. К. Локтева и др.; Под. ред. В. А. Козлова, С. В. Мироненко; Отв. ред. М. А. Колеров; ГАРФ. — М., 1996. — 681 с.

Т. 5: Приказы НКВД СССР, 1934–1941 гг.: Каталог рассекреченных документов Гос. архива Российской Федерации / Отв. сост. Я. М. Златкис; Под ред. В. А. Козлова, С. В. Мироненко; ГАРФ. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. — 508 с.

Серия **«Россия. XX век. Документы».** Международный фонд «Демократия» (Фонд А. Н. Яковлева). *Например:*

Лубянка: ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ, 1917–1960: Справочник / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. — М., 1997. — 352 с.

58[10]. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде, март 1953–1991: Аннотированный каталог / Сост. О. В. Эдельман и др. — М.: МФД, 1999. — 942 с.

ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960 / Сост. А. И. Кокурин и Н. В. Петров. — М.: МФД: Материк, 2000. — 886 с. — [Кн. переизд. в 2002].

Дети ГУЛАГа, 1918–1956 / Сост. С. С. Виленский и др. — М.: МФД, 2002. — 629 с.

Катынь: Пленники необъявленной войны: [Сб. документов] / Сост. Н. С. Лебедева (отв. сост.) и др. — М., 1997. — 605 с.

Сталинские депортации, 1928–1953 / Сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. — М.: МФД: Материк, 2005. — 902 с.

История сталинского Гулага: Собрание документов в 7 т. / [Мин-во культуры и массовых коммуникаций РФ, Федеральное архивное агентство, ГАРФ, Гуверовский институт войны, революции и мира]. — М.: РОССПЭН, 2004.

Т. 1: Массовые репрессии в СССР / Отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко; Отв. сост. И. А. Зюзина. — 727 с.

Т. 2: Карательная система: структура и кадры / Отв. ред. и сост. Н. В. Петров; Отв. сост. Н. И. Владимирцев. — 695 с.
Т. 3: Экономика Гулага / Отв. ред. и сост. О. В. Хлевнюк. — 624 с.
Т. 4: Население Гулага: численность и условия содержания / Отв. ред. А. Б. Безбородов, В. М. Хрусталев; Отв. сост. И. В. Безбородова. — 622 с.
Т. 5: Спецпереселенцы в СССР / Отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. — 823 с.
Т. 6: Восстания, бунты и забастовки заключенных / Отв. ред. и сост. В. А. Козлов; Сост. О. В. Лавинская. — 735 с.

Отдельные издания

1921–1924. Народ и власть: Сб. документов и материалов / Сост. А. А. Бондаренко и др.; Редкол.: Б. П. Тренин (отв. ред.) и др.; Томское общ-во «Мемориал» и др. — Томск: [Водолей], 2000. — 442 с.

1940–1956. Невольные сибиряки: Сб. документов и материалов / Сост. И. В. Нам и др.; Редкол.: Б. П. Тренин (отв. ред.) и др.; Томское общ-во «Мемориал» и др. — Томск, 2001. — 349 с.

Архивы Кремля и Старой площади: Документы по «Делу КПСС»: Аннотированный справочник документов, представленных в Конституционный Суд Российской Федерации по «Делу КПСС» / Сост. И. И. Кудрявцев; Под ред. В. П. Козлова; Гос. архивн. служба РФ. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1995. — 326 с.

Васильев В., Виола Л. Коллективизация и крестьянское сопротивление на Украине (ноябрь 1929 — март 1930 гг.). — Вінниця: Логос, 1997. — 536 с.

Военнопленные в СССР, 1939–1956: Документы и материалы / Сост. М. М. Загорулько и др.; НИИ проблем экономической истории XX века Волгоградского гос. ун-та и др. — М.: Логос, 2000. — 1120 с.

Год 1937...: Сб. документов и материалов / Сост. А. А. Бондаренко, В. И. Марков, Б. М. Тренин; Редкол.: Б. П. Тренин (отв. ред.) и др.; Томское общ-во «Мемориал» и др. — Томск, 1998. — 372 с.

Голод 1921–1923 років в Україні: Зб. документів і матеріалів / Упоряд. О. М. Мовчан та ін.; АН України та ін. — К.: Наукова думка, 1993. — 236 с.

ГУЛАГ в Карелии. 1930–1941: Сб. документов и материалов / Ин-т языка, литературы и истории Карельского науч. центра РАН; Центр. Гос. архив Республики Карелия; Сост. А. Ю. Жуков, В. Г. Макуров, И. Г. Петухова. — Петрозаводск, 1992. — 225 с.

Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ — НКВД СССР в цифрах и документах: [В 2 ч.] / Сост. И. Д. Бацаев, А. Г. Козлов; РАН. — Магадан: СВКНИИ, 2002. — Ч. 1: 1931–1941. — 381 с.; Ч. 2: 1941–1945. — 428 с.

Депортації: Західні землі України кінця 30-х — початку 50-х рр.: Документи, матеріали, спогади: У 3 т. / НАН України. Ін-т українознавства. — Львів, 1996. — Т. 1: 1939–1945. — 749 с.

Депортации народов СССР: (1930-е — 1950-е годы). Ч. 1: Документальные источники ЦГАОР / Сост. О. Л. Милова; РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — М., 1992. — Вып. 12. — 353 с.

Документи трагічної історії України (1917–1927 рр.) / Ред.-упорядн. П. П. Бачинський. — К., 1999. — 640 с.

Дугин А. Н. Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты. — М.: Наука, 1999. — 103 с.

З архівів ВУЧК — ГПУ — НКВД — КГБ: Науковий і документальний журнал / Головна редкол. наук.-док. серії книг «Реабілітовані історією». — К.: Сфера, 1994–2006.
Электронная версия большинства номеров есть на сайте СБУ http://www.sbu.gov.ua (например, http://www.sbu.gov.ua/sbu/control/uk/publish/article?art_id=39213&cat_id=53077).

Колективізація і голод на Україні, 1929–1933: Зб. документів і матеріалів / АН України, Ін-т історії України та ін.; Упорядн. Г. М. Михайличенко, П. Є. Шаталіна; Відп. ред. С. В. Кульчицький. — К.: Наукова думка, 1993. — 734 с.

Кронштадтская трагедия 1921 года: Документы: В 2 кн. / Отв. сост. И. И. Кудрявцев; Центр. архив ФСБ России и др. — М.: РОССПЭН, 1999. — Кн. 1. — 687 с.; Кн. 2. — 671 с.

В. И. Ленин и ВЧК: Сб. документов (1917–1922 гг.) / Сост. Ю. А. Ахапкин, В. К. Виноградов, Н. А. Губанов и др.; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — М.: Политиздат, 1975. — 679 с.

Меньшевистский процесс 1931 года: Сб. документов: В 2 кн. / Сост. В. К. Виноградов и др. — М.: РОССПЭН, 1999. — Кн. 1. — 638 с.; Кн. 2. — 486 с.

«Мобилизовать немцев в рабочие колонны...» И. Сталин: Сб. документов (1940-е годы) / Сост., предисл., коммент. проф. Н. Ф. Бугай. — М.: Готика, 1998. — 352 с.

Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики, 1921–1940 гг.: Сб. / Сост. и коммент.: В. В. Климова, В. Г. Макуров, А. Т. Филатова. — Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 1997. — 368 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов: [В 8 т.] / Авт.-сост. В. П. Ямпольский (рук. группы) и др.; Академия ФСБ РФ. — М.: Русь, 2000.

Остання адреса: До 60-річчя соловецької трагедії: В 3 т. / Сост. П. Кулаковський та ін.; СБУ; Ін-т української археографії та джерелознавства НАН України ім. М. Грушевського. — К.: Сфера, 1997–1999. — Т. 1. — 1997. — 326 с.; Т. 2. — 1998. — 286 с.; Т. 3. — 1999. — 394 с.

Остання адреса: Розстріли соловецьких в'язнів з України у 1937–1938 роках: В 2 т. — 2-е вид., доопрац. і доповн. — К.: Сфера, 2003. — Т. 1. — 470 с.; Т. 2. — 624 с.

От ЧК до ФСБ: Документы и материалы по истории органов госбезопасности Тверского края, 1918–1998 / Отв. сост. В. А. Смирнов, А. В. Борисов, М. В. Цветкова; Управление ФСБ РФ по Тверской обл. — Тверь: Обл. кн.-журн. изд-во, 1998. — 384 с.

Пасат В. И. Трудные страницы истории Молдовы, 1940–1950 гг.: Документы. — М.: Терра, 1994. — 800 с.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б): Повестки дня заседаний, 1919–1952: Каталог: В 3 т. / Редкол.: Г. М. Адибеков (отв. ред.), К. М. Андерсон, Л. А. Роговая / Федер. архив. служба России; Рос. гос. архив соц.-полит. истории (РГАСПИ). — М.: РОССПЭН, 2001.

Политика оккупационных властей в Латвии, [1939–1991]: Сб. документов / Отв. ред. Э. Пелкаус; Гос. архив Латвии. — [Рига]: Nordik, 1999. — 643 с.

Политические репрессии в Казахстане в 1937–1938 годах: Сб. документов / Сост. И. Н. Бухонова (отв. сост.), Е. М. Грибанова и др.; Архив президента Республики Казахстан. — Алматы: Казакстан, 1998. — 333 с.

«По решению Правительства Союза ССР...»: [Депортация народов: документы и материалы] / Сост., авт. предисл., коммент. Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. — Нальчик: Изд. центр «Аль-Фа», 2003. — 927 с.

Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936): Сб. документов / Сост. Т. И. Славко, А. Э. Бедель; Уральское отделение РАН: Ин-т истории и археологии. — Екатеринбург: Наука, 1993. — 221 с.

Репрессии в Красной Армии (30-е годы): Сб. документов из фондов Российского государственного военного архива / Сост. А. Кристиани, В. М. Михалева. Отв. за исслед. Ф. Беттанин. — Napoli, 1996. — 468 с.

Сергійчук В. І. Десять буремних літ: Західноукраїнські землі у 1944–1953 рр.: Нові документи і матеріали. — К.: Дніпро, 1998. — 944 с.

Следственное дело Патриарха Тихона: Сб. документов: По материалам Центрального архива ФСБ РФ / Отв. сост. Н. А. Кривова. — М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 2000. — 1016 с.

Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД, 1918–1939: Документы и материалы: В 4 т. / Ред. А. Берелович и В. Данилов; Сост. Л. Борисова, В. Данилов, Н. Ивницкий и др.; Ин-т рос. истории РАН (Россия) и др. — М.: РОССПЭН, 1998–2000.

Социальный портрет лишенца: На материалах Урала: Сб. документов / Сост. Е. В. Байда, В. М. Кириллов, Л. Н. Мазур и др.; Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького и др. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1996. — 256 с.

Специальные лагеря НКВД / МВД СССР в Германии, 1945–1950 гг.: Сб. документов и статей / Отв. сост. Ю. Г. Орлова; ГАРФ. — М.: РОССПЭН, 2001. — 376 с.

Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1930 — весна 1931 г: [Сб. документов] / Отв. ред. В. П. Данилов, С. А. Красильников; Новосибирское об-во «Мемориал»; Гос. архив Новосиб. обл.; Ин-т истории СО РАН. — Новосибирск: Наука, 1992. — 286 с.

Спецпереселенцы в Западной Сибири, весна 1931 — начало 1933 г.: [Сб. документов] / Сост. С. А. Красильников, В. Л. Кузнецова, Т. Н. Осташко и др.; ГАРФ и др. — Новосибирск: ЭКОР, 1993. — 341 с.

Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1939–1945: [Сб. документов] / Отв. ред. В. П. Данилов, С. А. Красильников; ГАРФ и др. — Новосибирск: ЭКОР, 1996. — 302 с.

Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание, 1927–1939: Документы и материалы: В 5 т. / Сост. В. Данилов (отв.) и др. — М.: РОССПЭН, 1999–2001. — Т. 1: май 1927 — ноябрь 1929. — 1999. — 879 с.; Т. 2: ноябрь 1929 — декабрь 1930. — 2000. — 927 с.; Т. 3: конец 1930 — 1933. — 2001. — 1008 с.

Чухин И. И. Каналоармейцы: История строительства Беломорканала в документах, цифрах, фактах, свидетельствах участников и очевидцев. — Петрозаводск: Карелия, 1990. — 247 с.

Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны, 1930-е годы: Сб. документов / Сост. М. И. Хлусов; Ин-т рос. истории РАН. — М., 1998. — 172 с.

3. ГУЛАГ: структура, история, лагеря. Сотрудники репрессивных органов

Общие работы

Артемьев В. П. Режим и охрана исправительно-трудовых лагерей МВД / Институт по изучению СССР (Мюнхен). — Мюнхен, 1956. — 221 с.

ГУЛАГ: Его строители, обитатели и герои: (Россия — по дорогам фанатизма и мученичества) / Под ред. И. В. Добровольского; Отв. ред. В. М. Новицкий; Междунар. общ-во прав человека. — М.; СПб.: Норма, 1998. — 174 с.

Иванова Г. И. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства / Московский общественный науч. фонд. — М.: МОНФ, 1997. — 227 с.

Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу: В 2 ч. — М.: Просвет, 1991. — Ч. 1. — 264 с.; Ч. 2. — 548 с.

Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник / Сост. М. Б. Смирнов; Науч. ред. Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский; Междунар. общ-во «Мемориал», ГАРФ. — М.: Звенья, 1998. — 599 с.

Электронную версию см. на сайте Международного общества «Мемориал»: http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/index.htm

Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в советской России. — Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. — 365 с.

Яковлев Б. А., Бурцов А. П. Концентрационные лагери СССР / Ин-т по изучению истории и культуры СССР (Мюнхен). — Мюнхен, 1955. — 253 с.

Тюрьмы и лагеря

Абрамкин В. Ф., Чеснокова В. Ф. Тюремный мир глазами политзаключенных, 1940–1980-е годы / Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия. — М.: ЗАО ИД «Муравей», 1998. — 384 с. (Уголовная Россия: Тюрьмы и лагеря).

Бердинских В. А. История одного лагеря: (Вятлаг). — М.: Аграф, 2001. — 463 с.

Гвоздкова Л. И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе / Кемеровский гос. ун-т. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. — 516 с.

Гордое терпенье: Книга памяти советских немцев — узников Тагиллага / Авт.-сост. В. М. Кириллов, П. М. Кузьмина, А. Я. Цейзер, С. Л. Разинков. — Нижний Тагил, 2004. — 716 с. (Серия Gedenkbuch).

«Гранитный» из 505...: (Исследование по истории исправительно-трудовых лагерей заключенных, расположенных на территории города Красноярск-26) / Авт.-сост. С. П. Кучин. — Красноярск-26, 1994. — 61 с.

Заполярная точка ГУЛАГа / Сост. Г. В. Самойлова; Нижнеколым. музей истории и культуры народностей Севера при содействии Моск. ист.-лит. общ-ва «Возвращение». — М.: Возвращение, 1993. — 53 с.

Козлов А. Г. Из истории колымских лагерей (1932–1937): Краеведческие записки / Магаданский областной краеведческий музей. — Магадан, 1991. — Вып. 17.

Кукушкина А. Р. Акмолинский лагерь жен «изменников Родины»: История и судьбы. — Караганда, 2002. — 184 с.

Кучин С. П. Полянский ИТЛ (ГУЛАГ — уголовный): Док.-ист. повествование об исправит.-трудовом лагере «Полянский». — Железногорск (Красноярск-26), 1999. — 248 с.

Морозов Н. А. ГУЛАГ в Коми крае, 1929–1956 / Сыктывкарский гос. ун-т. — Сыктывкар, 1997. — 190 с.

Озерлаг: как это было: Сб. / Сост. и авт. предисл. Л. С. Мухин. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. — 463 с.

Паникаров И. А. История поселков Центральной Колымы. — Магадан: МАОБТИ, 1997. — 260 с.

Розанов М. М. Соловецкий концлагерь в монастыре, 1922–1939 годы: Факты — домыслы — «параши»: Обзор воспоминаний соловчан соловчанами: В 3 кн. — Кн. 1: Ч. 1–3. — 1979. — 299 с.; Кн. 2: Ч. 4–8. — 1980. — 176 с.; Кн. 3: Дополнения. — 1987. — 87 с.

Стройка № 503 (1947–1953 гг.): Документы. Материалы. Исследования / Сост. М. В. Мишечкина и др.; Игарский краеведческий комплекс «Музей вечной мерзлоты». — Красноярск: Гротеск, 2000. — 208 с.

Широков А. И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. — Магадан: Кордис, 2000. — 151 с.

Сотрудники

Бережков В. И. Питерские прокураторы: Руководители ВЧК — МГБ, 1918–1954. — СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1998 . — 279 с.

Золотарьов В. А. ЧК — ДПУ — НКВС на Харківщині: люди та долі (1919–1941) / Вступ. ст. Ю. Шаповала. — Харків: Фоліо, 2003. — 477 с.

Млечин Л. М. КГБ. Председатели органов госбезопасности. Рассекреченные судьбы. 3-е изд. доп. — М.: Центрполиграф, 2002. — 861 с.

Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник / Междунар. общ-во «Мемориал», РГАСПИ, ГАРФ. — М.: Звенья, 1999. — 504 с.
Электронную версию см. на сайте Международного общества «Мемориал»: http://www.memo.ru/history/NKVD/kto/

Полянский А. И. Ежов: История «железного» сталинского наркома. — М.: Вече; АРИА-АиФ, 2001. — 400 с.

Разведчики. Чекисты. Агенты: Биографический справочник / Ассоция историков спецслужб им. А. Х. Артузова. — М., 1999. — 106 с.
ЧК — ГПУ — НКВД в Україні: Особи, факти, документи / Ю. Шаповал, В. Пристайко, В. Золотарьов. — К.: Абрис, 1997. — 608 с.

4. Источниковедческие исследования по видам репрессий и категориям репрессированных. Методические рекомендации по описанию источников. Стандарты источниковедческого описания разных категорий репрессированных

Архівно-слідчі справи репресованих: науково-методичні аспекти використання: Зб. наукових праць / Ред. кол. Р. Я. Пиріг (голова) та ін. — К., 1998. — 162 с.
Бердинских В. А. Спецпоселенцы: политическая ссылка народов Советской России. — М.: Новое лит. обозрение, 2005. — 766.
Білокінь С. І. Масовий терор як засіб державного управління в СРСР (1917–1941 рр.): Джерелознавче дослідження / Київське наук. т-во ім. П. Могили та ін. — К., 1999. — 448 с.
Винниченко І. І. Україна 1920–1980-х: депортації, заслання, вислання. — К.: Рада, 1994. — 126 с.
Гранкіна О. В., Омельчук Д. В., Московченко Н. П. Використання архівно-слідчих справ громадян, репресованих у 1920–1950-ті рр.: Метод. рекомендації. — К., 1997. — 34 с.
Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960 / Ин-т рос. истории РАН. — М.: Наука, 2005. — 304 с.
Ивницкий Н. А. Судьба раскулаченных в СССР. — М.: Собрание, 2004. — 296 с.
Ковальчук Л. В. Методические рекомендации по описанию архивно-следственных дел. — Одесса, 2002. — 40 с.
Электронную версию см. на сайте технического центра проекта «Возвращенные имена»: http://www.vi.krsk.ru/Mat/MetodikASD.doc
Красильников С. А. Серп и Молох: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е г. / РАН. Сиб. отд., Ин-т истории. — М.: РОССПЭН, 2003. — 285 с.
Маргиналы в советском обществе 1920–1930-х годов: историография, источники / Отв. ред. С. А. Красильников. — Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2001. — 136 с.
Материалы к семинарам-тренингам: Сб. статей и очерков по международному проекту «Возвращенные имена». — Нижний Тагил, 2002. — 322 с. *В том числе очерки:* Ватлин А. Ю. Архивно-следственные дела УНКВД Московской области как источник по истории «массовых операций» 1937–1938 годов; Кириллов В. М., Разинков С. Л. Массовые источники по депортации, спецпоселению, трудовой мобилизации советских немцев и опыт создания электронной базы данных; Саламатова М. С. Краткий обзор массовых источников, содержащих сведения о лишенных избирательных прав (1926–1936); Суслов А. Б. Персонально ориентированные массовые источники для создания баз данных по спецпоселенцам; Эдельман О. В. Надзорные производства Прокуратуры СССР как источник по истории политических репрессий.
Международный проект создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий «Возвращенные имена»: Сб. материалов по итогам первого этапа проекта, 2000–2003 годы. — Нижний Тагил, 2003. — 306 с.
Стандарты по категориям репрессированных: подследственные, заключенные, спецпоселенцы, трудармейцы, прошедшие проверочно-фильтрационные процедуры, лишенные избирательных прав. Электронную версию сборника см. на сайте технического центра проекта: http://www.vi.krsk.ru/Mat/sb2003/index.html
Полян П. М. Жертвы двух диктатур: остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. — М.: Изд-во «Ваш выбор» ЦИРЗ, 1996. — 442 с.

Полян П. М. Не по своей воле…: История и география принудительных миграций в СССР. — М.: ОГИ (Объед. гуманит. изд-во); Мемориал, 2001. — 328 с.
Электронную версию см. на сайте Международного общества «Мемориал»: http://www.memo.ru/history/deport

Славко Т. И. Кулацкая ссылка на Урале, 1930–1936. — М.: Мосгорархив, 1995. — 174 с.

Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.) / Уральский гос. ун-т, Пермский гос. пед. ун-т. — Пермь, 2003. — 384 с.

Тихонов В. И. и др. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы: Новые архивные материалы и методы обработки. — М.: Изд-во об-ния «Мосгорархив», 1998. — 256 с.

Шашков В. Я. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края / Мурманский пед. ин-т. — Мурманск, 2000. — 341 с.

5. Места массовых расстрелов, захоронения, мемориалы и музеи

Бутовский полигон. 1937–1938: Книга памяти жертв политических репрессий. — Вып. 1–8. — М., 1997–2004.

Левашовское мемориальное кладбище / Авт.-сост. А. Я. Разумов. — 3-е изд. — СПб.: Российская национальная библиотека, 2006. — 32 с.

Место расстрела Сандармох / Ю. А. Дмитриев [сост., предисл. и комментарий]; Администрация Председателя Правительства Республики Карелия; Администрация местного самоуправления Медвежьегорского р-на; Акад. социально-правовой защиты. — Петрозаводск: Барс, 1999. — 350 с.

Народовбивство в Україні: Офіційні матеріали про масові вбивства у Вінниці / Ред. перекладу з нім. О. Романів [Документальні матеріали Міжнародної комісії для розслідування масових вбивств у Вінниці: Berlin, 1944]. — Львів, 1995. — 264 с.

Пам'ять Биківні: Документи та матеріали / О. Г. Бажан (упорядн.); П. Т. Тронько та ін. (ред.). — К.: Рідний край, 2000. — 320 с.

Расстрельные списки / НИЦ «Мемориала». — Вып. 1: Донское кладбище, 1934–1940. — М., 1993. — 204 с.; Вып. 2: Ваганьковское кладбище, 1926–1936. — М., 1995. — 302 с.

Тарнавский Г. и др. Куропаты: Следствие продолжается [Массовые расстрелы под Минском]. — М.: Юрид. лит., 1990. — 272 с.

6. Законодательство: репрессии и реабилитация

Законодательные акты

Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952 гг. / Под ред. И. Т. Голякова. — М.: Госюриздат, 1952. — 463 с.
Репрессивное законодательство, включая уголовные кодексы РСФСР и изменения к ним.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / Сост. Е. А. Зайцев; Верх. Совет РФ. — М.: Республика, 1993. — 223 с.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий: В 2 ч. / Сост. В. С. Кулагина, В. А. Щепаков; Под общ. ред. и с предисл. Г. Ф. Весновской; Генеральн. прокуратура РФ. — Курск: ГУИПП «Курск», 1999. — Ч. 1. — 510 с.; Ч. 2. — 410 с.

Сборник законодательных и нормативных актов стран СНГ и Балтии по вопросам реабилитации жертв политических репрессий / Гл. информ. центр МВД России, Постоян. межвед. комиссия Москвы по восстановлению прав реабилитир. жертв полит. репрессий. — М., 1996. — 209 с.
Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Литва, Молдова, Россия, Туркменистан, Украина, Эстония.

Сборники документов и материалов

Реабилитация: Политические процессы 30–50-х гг.: [Сб.] / Сост. И. В. Курилов и др. — М.: Политиздат, 1991. — 461 с.

Реабилитация: как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: В 3 т. / Сост. А. Артизов и др.; Комиссия при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий, Междунар. фонд «Демократия». — Т. 1: март 1953 — февраль 1956. — М.: МФД, 2000. — 502 с.; Т. 2: февраль 1956 — начало 80-х годов. — М.: МФД: Материк, 2003. — 958 с.; Т. 3: середина 80-х годов — 1991. — М.: МФД: Материк, 2004. — 720 с.

Реабілітація репресованих: законодавство та судова практика / За ред. В. Т. Маляренка. — К.: Юрінком, 1997. — 464 с.

Методические материалы

Битюцкий В. И. Реабилитация, возмещение ущерба и предоставление льгот жертвам политических репрессий / Народная ассамблея, Международное историко-просветительское благотворительное и правозащитное общ-во «Мемориал». — М., 2003. — 167 с.

Методические рекомендации и материалы по восстановлению прав жертв политических репрессий / Ред. А. Суслов; Пермское обл. отд-ние Международного историко-просветительского правозащитного и благотворительного общ-ва «Мемориал». — Пермь: Звезда, 2000. — 127 с.

Реабилитация и восстановление прав жертв политических репрессий: Сб. законодательных актов и методических материалов / Сост. Н. А. Ольшанский, О. Н. Епанчина; Общество реабилитированных Новгородской области, Комиссия по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий при администрации Новгородской области. — Великий Новгород, 2001. — 104 с.

7. Монографии, сборники и учебные пособия по проблемам тоталитаризма, истории репрессий и правам человека

Монографии и сборники

33-й: Голод: Народна книга-мемориал / Упорядн. Л. Б. Коваленко, В. А. Маняк. — К.: Рад. письменник, 1991. — 584 с.

Авторханов А. Технология власти. — Франкфурт-на-Майне, 1976.

Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР: Новейший период. — М.: Зацепа, 2001. — 382 с.

Альбац Е. Мина замедленного действия: (Политический портрет КГБ). — М.: Русслит, 1992. — 416 с.

Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР, 1950-е — 1980-е. В 3 т. / Авт. проекта и составитель М. Ш. Барбакадзе; Под общ. ред. В. В. Игрунова. — М.: Междунар. ин-т гуманит.-полит. исследований, 2005. — Т. 1: до 1966 года. — Кн. 1. — 494 с., Кн. 2. — 362 с.; Т. 2: до 1966 — 1973 года. — 768 с.; Т. 3: после 1973 года. — 446 с.

Білас І. Г. Репресивно-каральна система в Україні, 1917–1953: Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз: У 2 кн. — К.: Либідь — Військо України, 1994. — Кн. 1. — 432 с.; Кн. 2. — 684 с.

Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: Политический портрет И. В. Сталина. В 2 кн. — М.: Новости, 1990. — Кн. 1. — 624 с.; Кн. 2. — 688 с.

Всеобщая декларация прав человека. Организация Объединенных Наций, 1948.

Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней. — London: OPI, 1986. — 925 с.

Геллер М. Я. Машина и винтики: История формирования советского человека. — М.: МИК, 1994. — 336 с.
Голод 1932–1933 годов: Сб. статей / Отв. ред., вступ. ст. Ю. Н. Афанасьев; Науч. ред. Н. А. Ивницкий; Рос. гос. гуманитарн. ун-т (РГГУ). — М., 1995. — 92 с.
Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / Пер. с англ. — М.: РОССПЭН, 2001. — 96 с.
Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: Происхождение и последствия. — М.: Издат. центр Ин-та рос. истории РАН, 1996. — 265 с.
Конквест Р. Большой террор: В 2 т. / Пер. с англ. — Рига: Ракстниекс, 1991. — Т. 1. — 414 с.; Т. 2. — 429 с.
Маймескулов Л. Н. и др. Всеукраинская чрезвычайная комиссия (1918–1922) / Под ред. Н. М. Голушко. — Харьков: Основа, 1990. — 345 с.
Мельгунов С. П. Красный террор в России, 1918–1923. — М.: СП «PUICO», 1990. — 207 с.
Нікольський В. М. Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х — 1950-ті рр.). Історико-статистичне дослідження. — Донецьк: Вид-во Донецьк. нац. ун-ту, 2003. — 624 с.
Окіпнюк В. Т. Державне політичне управління УСРР (1922–1934): Історико-юридичний аналіз. — К.: НА СБУ, 2002. — 290 с.
Політичний терор і тероризм в Україні. XIX–XX ст.: Історичні нариси / Д. В. Архієрейський, О. Г. Бажан, Т. Б. Бикова та ін.; Відповід. ред. В. А. Смолій. — К.: Наукова думка, 2002. — 952 с.
Пристайко В., Шаповал Ю. Справа «Спілки Визволення України»: Невідомі документи і факти / Відп. ред. І. Ільєнко. — К.: Інтел, 1995. — 447 с.
Провинциальная ЧеКа: Сб. статей и материалов. — Харьков: Ред. журн. «Клио», 1994. — 119 с. (Библиотека «Клио». История спецслужб; Спецвып.).
Рассказов Л. П., Упоров И. В. Лишение свободы в России: Истоки, развитие, перспективы / Краснодарский юридич. ин-т МВД РФ. — Краснодар, 1999. — 490 с.
Сахаров А. Д. Воспоминания: В 2 т. / Ред.-сост. Е. Холмогорова, Ю. Шиханович. — М.: Права человека, 1996. — Т. 1. — 910 с.; Т. 2. — 862 с.
Сталінізм на Україні: 20–30-ті роки / В. М. Даниленко, Г. В. Касьянов, С. В. Кульчицький. — К.: Либідь, 1991. — 342 с.
Стецовский Ю. И. История советских репрессий: В 2 т. / Общественный фонд «Гласность». — М.: Знак-СП, 1997. — Т. 1. — 600 с.; Т. 2. — 436 с.
Сувениров О. Ф. Трагедия РККА, 1937–1938 / Ин-т военной истории Мин-ва обороны РФ. — М.: Терра, 1998. — 527 с.
Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. — М.: Олма-Пресс, 2003. — 688 с.
Так это было: национальные репрессии в СССР. — М., 1993.
Ципко А. Насилие лжи, или Как заблудился призрак. — М., 1990.
Ченцов В. В. Політичні репресії в радянській Україні в 20-ті роки. — Тернопіль: Збруч, 2000. — 482 с.
Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии / С. Куртуа, Н. Верт, Ж.-Л. Панне и др. / Пер. с фр.; Отв. ред. И. Ю. Белякова. — М.: Три века истории, 1999. — 767 с.
Чорна книга України: Зб. документів, архівних матеріалів, листів, доповідей, статей, досліджень, есе / Упоряд., ред. Ф. Зубанич. — К.: Просвіта, 1998. — 782 с.
Шаповал Ю. І. Людина і система: (Штрихи до політичного портрету тоталітарної доби в Україні). — К., 1994. — 270 с.

Шаповал Ю. Україна XX століття: Особи та події в контексті важкої історії. — К.: Генеза, 2001. — 560 с.
Шитюк М. Масові репресії проти населення Півдня України в 20–50-ті роки XX століття. — К.: Тетра, 2000. — 532 с.
Штепа К. Ф., Гоутерманс Ф. Чистка в Росії / Ред. М. Коцюбинська, Є. Захаров; Пер. з англ., передмова Ю. П. Ранюк. — Харків: Фоліо, 2000. — 176 с.
Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. — М.: АИРО-XX, 2003. — 352 с.

Учебники, хрестоматии, учебные пособия

Еланцева О. П. Поэты и поэзия БАМЛАГа: Обзор документов и материалов к спецкурсу «Великие стройки сталинской эпохи» / Дальневост. гос. ун-т. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1994. — 60 с.
Есть всюду свет...: Человек в тоталитарном обществе: Хрестоматия для старшеклассников / Сост. С. Виленский; Моск. ист.-лит. общ-во «Возвращение». — М.: Возвращение, 2000. — 480 с.
Жирков Г. В. История цензуры в России, XIX — XX вв.: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. — М.: Аспект пресс, 2001. — 368 с.
Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов): Учебное пособие для вузов и школ / Ин-т «Открытое общество». — М.: Магистр, 1996. — 287 с.
История России, 1917–1940: Хрестоматия. / Под ред. М. Е. Главацкого. — Уральский ун-т. — Екатеринбург: Благотворительный фонд «Урал. Лицей». — 1993. — 357 с.
Кириллов В. М. История репрессий и правозащитное движение в России: Учебное пособие. — Екатеринбург: ООО «Изд-во УМЦ УПИ», 1999. — 120 с.
Книга для учителя: История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР / Научн. ред. В. В. Шелохаев. — М.: Мосгорархив, 2002. — 504 с.
Коровин В. В. История отечественных органов безопасности: Учебное пособие. — М.: Изд. группа «НОРМА». — 1998. — 256 с.
Красильников С. А. На изломах социальной структуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 — конец 1930-х годов): Учебное пособие / Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск, 1998. — 91 с.
Методические материалы к уроку, посвященному Дню памяти жертв политических репрессий (30 октября 1997 года) / Сост. А. Б. Суслов; Пермское обл. отд-ние Всерос. общ-ва «Мемориал». — Пермь, 1997. — 18 с.
Полян П. М. «Вестарбайтеры»: Интернированные немцы в СССР: (Предыстория, история, география): Учебное пособие для спецкурса / Ставропольский гос. ун-т и др. — Ставрополь; М.: Изд-во Ставропол. гос. ун-та, 1999. — 48 с.
Райзман М. И. «Задержанная литература»: Учебное пособие для учащихся 9–11 классов / Северный Междунар. ун-т. Кафедра литературы. — Магадан, 2000. — 136 с.
Соколов А. К. Лекции по советской истории, 1917–1940. — М.: Мосгорархив, 1995. — 280 с. (Десять новых учебников по историческим дисциплинам).
Урал. XX век: Книга для чтения по истории: Для учащихся старших классов / Под ред. М. Е. Главацкого. — Екатеринбург: СВ-96, 1997. — 576 с.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РЕПРЕССИЙ
(к постановке вопроса)

1. Нынешний уровень разработки темы 10
2. Основные направления изучения истории репрессий 13
   - Определение понятий 13
   - Издание архивных документов 14
   - Описание и изучение репрессивной системы в СССР в ее историческом развитии 14
   - Изучение правовой (точнее, псевдоправовой) базы, на основании которой осуществлялись репрессии 15
   - Изучение и систематизация видов репрессий и категорий репрессированных 17
   - Соотношение между категориями (подкатегориями) репрессированных ..... 18 (подследственные; заключенные; лишенные избирательных прав и пораженные в правах; «раскулаченные»; спецпереселенцы/трудпоселенцы/спецпоселенцы; депортированные; интернированные; трудмобилизованные; подвергнутые проверочно-фильтрационным процедурам)
   - Составление сводного именного списка и биографических справочников репрессированных 23
   - Издание описей и аннотированных описаний фондов, содержащих документы о репрессиях 23
   - Создание мемориальных комплексов и музеев по истории репрессий 24
   - Изучение процесса реабилитации и стимулирование его развития 25
   - Разработка учебных программ и учебных пособий по истории репрессий в СССР 26
3. Источниковая база 27
4. Основные проблемы и трудности 31
   - Различие трактовок понятий «репрессия» и «репрессированный» 31
   - Недоработанность законодательной базы и отсутствие необходимых нормативных документов 33
   - Неизученность источниковой базы, отсутствие свободного доступа к источникам и их плохая сохранность 35
   - Отсутствие научных методик описания документов, подготовки тематических изданий и других методических разработок 37
   - Отсутствие профессиональных коллективов, специализирующихся по данной тематике 39
   - Недостаточная компьютерная грамотность и отсутствие навыков работы в интернете 40
   - Финансовые и материально-технические проблемы 40
5. Предварительные организационные предложения 42

Приложение. Выборочная библиография (монографии, сборники, сайты) 44

Лидия Всеволодовна Ковальчук
ул. Троицкая, 17/13, Одесса-11, Украина, 65011
тел.-факс: (048) 722-18-67, e-mail: razum@ukr.net